

КАПИТАЛИЗМ В АМЕРИКЕ

ИСТОРИЯ

АЛАН ГРИНСПЕН

АДРИАН ВУЛДРИДЖ

Алан Гринспен

Капитализм в Америке: История

«Альпина Диджитал»

2018

Гринспен А.

Капитализм в Америке: История / А. Гринспен — «Альпина Диджитал», 2018

История о том, как 13 колоний из мирового захолустья сумели создать самую мощную экономику когда-либо известную человечеству. 300 лет назад Америка была лишь совокупностью разрозненных поселений на краю обитаемого мира. Сначала она обеспечила благосостояние своих граждан, а затем экспортировала процветание по всему миру в форме изобретений и идей. Сегодня Америка занимает лидирующие позиции в ряде отраслей – от разработки природных ресурсов до биотехнологий. Но другие быстро растущие державы отбирают у нее экономическое первенство.

© Гринспен А., 2018

© Альпина Диджитал, 2018

Содержание

Предисловие	6
Прекрасная эпоха для старта	9
Люди страны изобилия	13
Как стать богатым	15
Созидательное разрушение	16
Коварство истории	20
Темная сторона созидательного разрушения	22
Политики на арене	24
Как восстановить утраченный динамизм америки	27
Глава 1	29
С хлеба на воду	31
Рип Ван Винкль	36
Культура роста	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алан Гринспен, Адриан Вулдридж

Капитализм в Америке: История

Переводчик Александр Соловьев, заместитель главного редактора журнала «Россия в глобальной политике»

Редактор Александр Журавель

Главный редактор С. Турко

Руководитель проекта М. Красавина

Корректоры Е. Аксёнова, Е. Чудинова

Компьютерная верстка К. Свищёв

Арт-директор Ю. Буга

Иллюстрация на обложке *Wall Street Ferry Ship*, Колин Купер

Historic Images / Alamy Stock Photo

© 2018 by Alan Greenspen

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2020

* * *

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Моей любимой Андреа.

Алан Гринспен

Моим дочкам, рожденным в Америке, — Элле и Доре.

Адриан Вулдридж

Предисловие

Начнем нашу историю с фантазии. Представьте себе встречу Всемирного экономического форума в Давосе в 1620 г. Сильные мира сего со всего света собрались в альпийской деревушке: китайские ученые в шелковых халатах, британские авантюристы в камзолах и колетах, османские чиновники в тюрбанах и кафтанах – все они пробираются, то и дело падая, по обледеневшим тропкам и собираются в тавернах и харчевнях, согревая и оживляя беседу добрым плотком вина.

На повестке дня этой конференции – взрывоопасный вопрос: кто будет господствовать в мире в грядущих столетиях? Всякий желающий приобщиться к мудрости Давоса вынужден разрываться между сменяющимися друг друга дискуссиями экспертов и спотыкаться на каждом шагу от следующих за ними застолий.

Китайцы приводят самый убедительный довод в свою пользу: население Пекина составляет больше миллиона человек, в то время как крупнейшие европейские города (Лондон, Париж, Ницца) едва дотягивают до 300 000; чиновники на государственную службу отбираются по всей огромной империи через строжайшую систему экзаменов; китайские ученые только что создали энциклопедию в 11 000 томах. Китайские кораблестроители строят крупнейшие корабли в мире¹.

Однако у оппонентов Китая хватает контраргументов. Турки заявляют, что Османская империя, самая могущественная держава в исламском мире, объединяющем земли Турции и Аравии, районы южнее Сахары и территории в Азии, расширяет свои владения на западе и вскоре покорит и Европу. Представитель империи Великих Моголов подчеркивает, что она объединяет людей всех рас и религий, став настоящим плавильным котлом творческого созидания. Испанский гранд снисходительно замечает на это, что именно Испания с благословления единственно истинной церкви вот-вот распространит свое милосердное правление на всю остальную Европу и даже на Латинскую Америку, обеспечивающую дальнейшую экспансию метрополии нескончаемым потоком золота и серебра. Однако с самым неожиданным заявлением выступает отважный британец. Его крошечная страна разрывает все связи с континентом, закосневшим и насквозь коррумпированным, и сосредоточивается на развитии новых динамичных институтов: мощного парламента, могучего флота (поддерживаемого пиратами), а также организаций совершенно нового типа – получавших королевскую лицензию акционерных обществ, способных вести дела по всему миру.

За давосскими спорами совершенно незамеченным остается один регион – Северная Америка. По сути, это почти белое пятно на карте – грандиозная, но дикая местность где-то к северу от Латинской Америки, богатой драгоценными металлами. Эта пустошь расположена между Тихим океаном и Атлантикой, где пролегают основные торговые пути и ходят огромные косяки рыбы. Населена она аборигенами – дикарями, которые еще не пересекались с давосской публикой. В Новой Англии и Вирджинии обретается горстка европейцев, но те сообщают, что жизнь там тяжелая, а признаки цивилизации отсутствуют. Весь Североамериканский континент производит меньше материальных благ, чем самое мелкое германское княжество.

Сегодня Соединенные Штаты Америки – крупнейшая экономика мира: обладая всего 5 % населения Земли, страна производит четверть мирового ВВП в долларовом эквиваленте².

¹ Автор, скорее всего, намекает на «корабли-сокровищницы» (кит. – баочуань), достигавшие, по разным оценкам, до 117 м в длину и 48 м в ширину (примерно вдвое больше крупнейших европейских трехпалубных кораблей периода расцвета парусного флота). Справедливости ради такие корабли строились за полтора века до описанного фантастического форума в Давосе и к началу XVII в. китайское господство на морях уже сошло на нет. – *Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, прим. пер.*

² По номиналу. – *Прим. ред.*

Уровень жизни в Америке один из самых высоких в мире – он уступает лишь немногим маленьким странам вроде Катара или Норвегии. Кроме того, США доминируют в отраслях, формирующих будущее человечества, – в интеллектуальной робототехнике, производстве беспилотных автомобилей, разработке лекарств, увеличивающих продолжительность жизни. В 1980 г., когда президентом США был избран Рональд Рейган, Америке принадлежало 10 % мировых патентов. Сегодня ей принадлежит 20 %.

Экономика Америки настолько же разнообразна, насколько и огромна. Америка занимает лидирующие позиции в целом спектре отраслей – от разработки природных ресурсов до информационных технологий, от целлюлозно-бумажной промышленности до биотехнологий. Многие ведущие экономики опасно сконцентрированы в одном городе-центре. Наиболее очевидный пример такой концентрации – Великобритания. Схожая ситуация в Южной Корее и в Швеции. В США есть множество ведущих центров: в Нью-Йорке сосредоточены финансы, в Сан-Франциско – технологии, в Хьюстоне – энергетика, в Лос-Анджелесе – кинематограф.

Американский капитализм – самый демократичный в мире. Именно в Америке возникли главные движители «народного капитализма»³ – от поточного производства до франчайзинга и паевых инвестиционных фондов. Во многих странах капитализм устойчиво ассоциировался с плутократической элитой. Но в Америке он всегда подразумевал открытость и новые возможности. Американский капитализм давал тем, кто был рожден в неизвестности, шанс пробиться к высшим ступеням в обществе. Американский капитализм обеспечивал обычным людям доступ к товарам и услугам, прежде доступным исключительно для представителей верхушки. Роулэнд Мейси, бывший китобой с наколкой на руке, продавал «товары, приличествующие миллионеру, по ценам, доступным миллионам». Сын фермера Генри Форд гордился тем, что его «Жестяная Лиззи» (Model T) – это «машина для обычных людей». Иммигрант из Италии Амадео Джаннини основал Bank of America, стремясь сделать банковские услуги доступными «маленькому человеку». Другой иммигрант, Пьер Омидьяр, создал интернет-базар eBay, втянув простого обывателя в процесс свободного обмена.

Путь Америки к своему величию был, конечно, запятнан множеством постыдных фактов, важнейшие из которых – притеснение коренного населения континента и обращение миллионов чернокожих в рабство. Тем не менее в широкой исторической перспективе этот путь был, безусловно, позитивным процессом. Америка обеспечила не только благосостояние своих граждан, но и экспортировала процветание в форме изобретений и идей. Не вступи Америка во Вторую мировую войну, Гитлер вполне мог бы поработить Европу. Не прояви Америка непоколебимой решимости в период холодной войны, духовные наследники Иосифа Сталина вполне могли бы до сих пор оставаться у власти в Восточной Европе и по крайней мере в большей части Азии. Дядя Сэм создал арсенал демократии, который спас XX век от тотальной катастрофы.

Это великолепная, выдающаяся история. Но ее развязка совсем не похожа на хеппи-энд: сегодня рост производительности практически прекратился. Тайлер Коуэн говорил о «великой стагнации». Лоуренс Саммерс вдохнул новый смысл в термин Элвина Хансена «секулярная стагнация». Исследование Роберта Гордона, посвященное истории американской экономики со времен Гражданской войны, называется «Взлеты и падения американского экономического роста» (The Rise and Fall of American Growth)⁴. Китай и другие быстро растущие державы отби-

³ Стоит заметить, что в устах авторов «народный капитализм» (mass capitalism), скорее, публицистический образ, а не научный термин. Авторы подчеркивают, что именно в США сформировались институты и инструменты, успешно вовлекавшие в капиталистическое производство народные массы в самых разных форматах.

⁴ Речь идет о работах американских ученых Тайлера Коуэна (Коуэн Т. Среднего более не дано: Как выйти из эпохи Великой стагнации. – М.: Издательство Института Гайдара, 2015), Элвина Хансена (Hansen, Alvin H. Economic Progress and Declining Population Growth. *American Economic Review*, March 1939, 29 (1), pp. 1–15), Лоуренса Саммерса (Summers, Lawrence. U. S. Economic Prospects: Secular Stagnation, Hysteresis, and the Zero Lower Bound. *Business Economics*, April 2014, 49 (2), pp. 65–73); Роберта Гордона (Robert J. Gordon, The Rise and Fall of American Growth: The U. S. Standard of Living since the Civil War.

рают у Америки экономическое первенство отрасль за отраслью. Темпы возникновения новых компаний опустились до рекордно низкого показателя за весь современный период. Рынок труда в застое. Нормативные требования множатся.

Америка умеет оправляться от былых разочарований. В 1930-е гг. она пережила одну из самых долгих и тяжелых экономических депрессий, которые когда-либо обрушивались на любую страну. Из Второй мировой войны США вышли страной с самой мощной экономикой мира – и остаются таковыми до сих пор. В 1970-е гг. Америку поразила стагфляция, она потерпела несколько болезненных поражений в конкуренции с Германией и Японией. Но в последующие два десятилетия Америка сумела воспользоваться возможностями, предоставленными развитием информационных технологий и глобализацией, для того, чтобы вновь стать самой динамичной экономикой. Сумеет ли Америка повернуть подобный фокус вновь, пока неясно.

Эта книга рассказывает о замечательнейшей истории последних 400 лет: 13 колоний из мирового захолустья сумели создать самую мощную экономику когда-либо известную человечеству. Обращаясь к урокам истории, мы попытаемся ответить на самый насущный вопрос современности: сумеют ли Соединенные Штаты сохранить свое превосходство или лидерство неизбежно перейдет от США к какой-то другой (и почти наверняка гораздо менее свободной) державе?

Прекрасная эпоха для старта

300 лет назад Америка была лишь совокупностью разрозненных поселений где-то на краю обитаемого мира. Образованнейшие люди вспоминали о ней в последнюю очередь. В международной политике ее касались вскользь. Богатая природными ресурсами территория находилась слишком далеко от центров цивилизации; огромные новые земли оставались по большей части почти недостижимыми. Однако удача улыбалась молодой стране. Своим появлением на свет Америка обязана целой цепочке счастливых для нее перемен. Восстание, которое создало Соединенные Штаты, могло бы и не начаться вовсе, если бы британские правящие круги прислушались к словам Эдмунда Бёрка⁵ и проводили чуть менее жесткую политику по отношению к колониям. Восставшие против британского господства колонисты извлекли немалую пользу из войны мирового масштаба, развернувшейся между Британией и Францией. Не будь Джордж Вашингтон таким выдающимся лидером, борьба за независимость могла бы и захлебнуться. Обстоятельства благоприятствовали Америке и после ее появления. В 1803 г. Томас Джефферсон приобрел у Франции Территорию Луизиану, что вдвое увеличило размер страны. Эта покупка принесла США огромные площади плодородной земли для сельского хозяйства, реку Миссисипи и порт Новый Орлеан. В 1821 г. Америка купила Флориду у Испании, в 1845-м аннексировала Техас, в 1846 г. – Орегон, а в 1850-м, после победы в американо-мексиканской войне, присоединила Калифорнию.

Америке также повезло с «родителями»: оказаться «дочкой» страны, в которой произошла первая промышленная революция и возникла первая парламентская демократия, было гораздо лучше, чем, допустим, «дочкой» Испании или Бельгии. И сегодня американцы считают монархическую тиранию безусловным злом, превознося при этом достоинства Американской революции. Но Война за независимость США была во многих своих проявлениях революцией незавершенной. Америка унаследовала многие лучшие традиции Британии – от ограниченных полномочий правительства до обычного (прецедентного) права и уважения к личным правам и свободам, которое, если верить авторитетному историку Алану Макфарлейну, восходит еще к XIII в.⁶ Америка была вовлечена в постоянный неофициальный обмен информацией с Великобританией. В американские колонии продолжали приезжать британцы, часто обладавшие промышленными секретами. Американцы посещали британские фабрики, заводы и выставки. Америка заимствовала британские модели организации рынка ценных бумаг, товарно-сырьевой биржи и патентного права. Разные по названию страны, Америка и Британия были тем не менее объединены общей культурой.

Но больше всего Америке повезло со временем появления. Соединенные Штаты возникли в эпоху Просвещения, когда старые истины переосмыслились, а устоявшиеся институты реорганизовывались. Жестокая борьба Америки за независимость (1775–1783) началась за год до того, как свет увидела величайшая книга о свободной рыночной экономике – «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита⁸. Почти на всем протяжении писаной истории человечество молчаливо соглашалось со статичным и предсказуемым состо-

⁵ Эдмунд Бёрк (1729–1797) – англо-ирландский парламентарий-консерватор, выступавший за предоставление британским колониям на Американском континенте определенной самостоятельности, снижение налогового бремени, а после начала Войны за независимость (Американской революции) – за мирное урегулирование конфликта.

⁶ Речь идет о Великой хартии вольностей (Magna Carta), принятой в Англии в 1215 г. на основе требований английской знати к королю Иоанну Безземельному и защищавшей ряд прав и привилегий свободного населения страны. Ее принятие считается эпохальной вехой в истории развития западной демократии.

⁷ Alan Macfarlane, *The Origins of English Individualism: The Family Property and Social Transition* (Oxford: Basic Blackwell, 1979).

⁸ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2017.

янием общества – и даже в каком-то смысле приветствовало его. По данным исследования Ангуса Мэддисона, с рождения Иисуса до примерно 1820 г. экономический рост составлял всего 0,11 % в год – или 11 % за век⁹. Молодой крестьянин XV в. мог вполне рассчитывать на то, что он будет обрабатывать все тот же надел, определенный ему сюзереном, до тех пор, пока болезнь, голод, природный катаклизм или насильственная смерть не подведут счет его дням. Он мог примерно с той же вероятностью рассчитывать и на то, что его дети и дети его детей будут обрабатывать все тот же участок земли.

Адам Смит предложил революционную концепцию динамичного общества, в котором производство материальных благ умножалось, а возможности возникали в изобилии. Это был выдающийся интеллектуальный эксперимент, настоящий переворот в экономической мысли, до тех пор поиск собственной выгоды считался в лучшем случае занятием недостойным, а в худшем – греховным. Смит пошел наперекор сложившемуся стереотипу, доказывая, что поиск этой выгоды, не выходящий за рамки закона и морали, резко повышает благосостояние всей страны.

Ни одна страна не прониклась этой идеей глубже, чем та, что появилась на свет сразу после того, как Адам Смит обнародовал свои мысли. Эта новая страна родилась во время восстания против меркантилистского режима, уверенного в том, что экономическая состоятельность государства измеряется в объеме золота, которым оно владеет, а этот объем, в свою очередь, зависит от величины положительного сальдо торгового баланса, которую обеспечивают протекционистские меры. Конституция США, написанная в 1787 г. и ратифицированная в 1788-м, постулировала, что вся страна является единым общим рынком без внутренних тарифов, сборов или налогов на коммерческую деятельность, осуществляемую между собой отдельными штатами в составе общего государства. Америка была первой страной, появившейся в эпоху экономического роста, когда насущной экономической задачей стало содействие силам перемен, а не распределение конечного объема ресурсов.

Вторым мощным фактором формирования американской идентичности стал главный антагонист Просвещения – религия, и прежде всего – протестантизм. Америка находилась под гораздо более мощным влиянием европейской Реформации, чем какая-либо иная страна. Если католическая церковь требовала от прихожан обращаться к Господу через посредника-священнослужителя, то протестантская церковь побуждала своих последователей обращаться к Богу через посредство Библии. Протестанты должны были читать Добрую Книгу дома и самостоятельно приходить к тем или иным суждениям по религиозным вопросам, а не полагаться на авторитетное мнение вышестоящих. Переселенцы-пуритане, осевшие в Массачусетсе, основали беспрецедентное количество школ и университетов. Закон Массачусетса обязывал всех владельцев домохозяйств обучать детей чтению. «После того, как Господь сохранил нас на пути в Новую Англию и мы построили дома, обустроили хозяйство, выделили достойные места для почитания Господа и создали гражданское управление, – говорилось в письме от 1643 г. из Гарвардского университета в Англию (это первый известный образец письма-декларации о создании университета), – одним из самых горячих наших устремлений и желаний было способствовать развитию и распространению образования и обеспечить постоянную передачу знаний нашим потомкам».

В первые годы существования страны Америке выпала еще одна удача: отцы-основатели¹⁰ поняли, что единственный путь к процветанию в меняющемся мире пролегает по маршруту, заданному фиксированными, не меняющимися ориентирами. Они предоставили гражданам страны определенный набор прав, которые правительство не могло нарушить, а также Консти-

⁹ Angus Maddison, *The World Economy: A Millennial Perspective* (Paris: OECD, 2001), 28.

¹⁰ Отцы-основатели – традиционное именование политиков, заложивших основы американской государственности. Главными среди них являются семеро – Джордж Вашингтон, Бенджамин Франклин, Томас Джефферсон, Джон Адамс, Александр Гамильтон, Джон Джей, Джеймс Мэдисон. – *Прим. ред*

туцию, предназначенную контролировать власть. Чем шире становились пределы народовластия, тем строже нужно было следить за тем, чтобы люди не злоупотребляли этой властью. Чем шире становились возможности для бизнеса, тем эффективнее должны были становиться механизмы, не позволяющие торговцам обрушить валюту или надуть своих покупателей.

Отцы-основатели сделали права собственности частью национального ДНК Америки. Фраза Томаса Джефферсона о том, что человек обладает «неотъемлемым правом» на «жизнь, свободу и поиск счастья» была парафразом мысли Джона Локка из «Второго трактата о гражданском правлении»¹¹ о том, что человек обладает «природным» правом охранять «свою жизнь, свободу и собственность против любого урона или посягательств со стороны других людей». Конституция использовала принцип разделения властей прежде всего для того, чтобы защитить имущих от ограбления их массами или диктатором. Такая активная защита частной собственности прекрасно стимулировала предпринимательство в самом государстве, поскольку граждане имели достаточно веские основания полагать, что сумеют сохранить заработанную прибыль. Более того, она привлекала иностранных инвесторов – те с охотой вкладывали свои капиталы в Америку в уверенности, что их вложения не будут украдены, а условия договоров будут соблюдаться.

Приверженность Америки к защите частной собственности распространила эту защиту даже на плоды воображения. Отцы-основатели сделали патентную защиту частью Конституции – об этом прямо говорит раздел 8 статьи I. Америка предложила защиту прав интеллектуальной собственности тем, кто никогда не имел ее в Европе; патентная пошлина в США составлял всего 5 % от суммы такой пошлины в Великобритании. При этом, защищая права изобретателей на извлечение прибыли от коммерциализации их изобретений, законы США требовали от них публиковать детали своих патентов с тем, чтобы информация об новинках распространялась как можно шире.

Это особое внимание к патентам указывает на еще одно преимущество: Америка родилась в эпоху бизнеса. Эту страну создали корпорации – такие как Virginia Company или Massachusetts Bay Company. Фактически первые американские «фримены»¹² были акционерами компаний, а первыми «содружествами» стали общие собрания акционеров. Американцы первыми использовали слово «бизнесмен» в его современном значении. В XVIII в. англичане называли «людьми бизнеса» (или «деловыми людьми») тех, кто подвизался в публичной политике. Дэвид Юм охарактеризовал Перикла именно как «делового человека» (man of business). В 1830-е гг. американцы начали использовать это выражение для описания людей, занятых коммерческими операциями¹³.

С тех пор американцы выработали в себе такое же уважение к бизнесменам, какое британцы питают к джентльменам, французы – к интеллектуалам, а немцы – к ученым. Готовность Америки «привнести нечто героическое в то, как они ведут дела» – по выражению Алексиса де Токвиля – привела к формированию культа предпринимателя. Американцы были инстинктивными приверженцами идеи Йозефа Шумпетера о том, что истинным двигателем исторических перемен являлись не рабочие, как утверждал Карл Маркс, и не абстрактные экономические силы, как полагали экономисты того же направления, а люди, способные построить нечто из ничего – изобретатели, подобные Томасу Эдисону, имевшему 1093 патента, или создатели компаний, подобные Генри Форду, Томасу Уотсону и Биллу Гейтсу.

¹¹ Локк Дж. Сочинения: В 3 т. – М.: Мысль, 1985. – Т. 3.

¹² «Фримены» (свободные люди) – в XVII в. название состоятельного сословия американских колоний, которые – как собственники – обладали полной прав, в отличие от слуг (сервентов) и нищей голытьбы, прибывавшей в Америку в поисках лучшей доли. – Прим. ред.

¹³ Daniel J. Boorstin, *The Americans: The National Experience* (New York: Vintage Books, 1965), 115 (Бурстин Д. Американцы. Национальный опыт. – М.: Прогресс, 1993).

Исторический путь развития Америки после войны за независимость не был прямым как стрела. Молодая республика фактически разделилась надвое – между двумя разными образами будущего. Томас Джефферсон видел Америку децентрализованной аграрной страной, населенной свободными фермерами-йоменами¹⁴. А в представлении (удивительно живучем) Александра Гамильтона Америка выглядела урбанистической республикой, экономический рост которой определяли промышленные предприятия и мощный банк, обеспечивающий их денежными потоками. Эти две разительно отличные модели реализовались в двух частях Америки, фактически поделив ее на капиталистический промышленный Север и рабовладельческий сельскохозяйственный Юг. С течением времени это разделение стало еще более явным – по мере того, как Север все активнее инвестировал в машины и оборудование, а Юг – в хлопководство, одновременно пытаясь распространить рабство и на новые территории – Канзас, например. В конечном счете этот спор разрешила Гражданская война 1861–1865 гг. Ее исход определил будущее страны, и Соединенные Штаты энергично занялись распространением своей версии бизнес-цивилизации на весь континент.

¹⁴ Йоменами в средневековье называли свободных английских крестьян, из которых формировались знаменитые отряды лучников, неоднократно обеспечивавших победу англичанам в ходе Столетней войны. – *Прим. ред.*

Люди страны изобилия

Американская бизнес-цивилизация укоренилась в стране, щедро обеспеченной тремя важнейшими предпосылками производства – капиталом, землей и рабочей силой. С 1818 по 1914 г. американский банковский сектор разросся с 338 банков с общими активами в 160 млн долл. до 27 864 банков, активы которых насчитывали 27,3 млрд долл. Америка стала мировым лидером в импорте капитала; главным ее донором была Великобритания – предшественница США в качестве штаб-квартиры мирового капитализма. Территория США в первой половине XIX в. прирастала постоянно и быстро – от 2 239 681,86 кв. км в 1800 г. до 7 614 673,82 кв. км в 1850 г. Между окончанием Гражданской и началом Первой мировой войны американцы освоили как сельхозугодия 1 618 744 кв. км диких земель, что почти вдвое больше, чем вся территория Западной Европы.

Эта земля была необычайно богата природными ресурсами. Общая длина судоходных рек США больше, чем во всех остальных странах мира, вместе взятых. Величайшие из этих рек – Миссури, Огайо, Арканзас, Теннесси и, конечно, могучая Миссисипи – пересекают страну скорее по диагонали, чем перпендикулярно, разделяя ее на естественные географические зоны¹⁵. Аппалачи, простирающиеся от Пенсильвании до Кентукки и холмов Западной Вирджинии, переполнены каменным углем. Монтана настолько богата драгоценными металлами, что ее прозвали штатом-сокровищницей. В районе Месаби в Миннесоте – богатейшее месторождение железной руды. В земле Техаса – моря нефти (которые сегодня оказались еще более «полноводными» благодаря технологии гидроразрыва пласта). Средний Запад – житница Америки.

Изобилие природных ресурсов оказывало огромное влияние на экономическое развитие США. Порой оно проявлялось в форме общенациональной истерии вокруг этих ресурсов – достаточно припомнить золотую лихорадку 1849 г. и нефтяные бумы начала или середины XX в. Оно формировало мощные отрасли хозяйства, работающие на экспорт, – например, зерновых. Но один из наиболее существенных факторов такого изобилия оставался неявным – экономическое развитие Америки, в отличие от других стран, не сдерживалось нехваткой природных ресурсов. За период бурного роста американской сталелитейной промышленности с 1890 по 1905 г. доля Миннесоты в общенациональном производстве железной руды выросла с 6 до 51 %, а цена на руду в стране упала вдвое: американским стальным магнатам сырье обходилось гораздо дешевле, чем их британским конкурентам.

Америка притягивала людей как магнитом. Уровень рождаемости в колониальной Америке был одним из самых высоких в мире – благодаря изобилию земли и нехватке рабочей силы. Темпы прироста численности населения, и без того достаточно высокие, резко ускорились, когда в Америку хлынули люди со всего мира. В XIX в. население выросло почти в 15 раз – с 5,3 млн человек до 76 млн. Столько людей не жило ни в одной стране Европы, за исключением России. К 1890 г. 80 % ньюйоркцев и 87 % чикагцев были иммигрантами или детьми иммигрантов.

Среди икон американского предпринимательства необычайно высока доля иммигрантов или их детей. Александр Белл и Эндрю Карнеги родились в Шотландии. Никола Тесла, «первооткрыватель» переменного тока, – серб. Джордж Митчелл, изобретатель технологии фрекинга, один из самых влиятельных бизнесменов последних десятилетий, – сын грека-козопаса.

Прибывшие в Америку поселенцы оказывались необычайно мобильными: они выросли в странах, где свободная земля – огромная редкость, а тут она была в изобилии. Их охватывала и

¹⁵ Robert D. Kaplan, *Earning the Rockies: How Geography Shapes America's Role in the World* (New York: Random House, 2017), 133.

жажда обладания землей, и «охота к перемене мест» – жажда странствий. Эта тяга к мобильности, к свободе перемещений никуда не ушла и после создания более «зажиточной» цивилизации: «Средний город» (Middletown), исследование типичного города Среднего Запада (города Манси в штате Индиана), проведенное Робертом и Хелен Линд, показало, что с течением времени американцы становились все более мобильными. Если в 1893–1898 гг. переезжало 35 % американских семей, то в 1920–1924 гг. уже 57 %. За первые десятилетия XX в. миллионы чернокожих американцев Юга бежали от кабальной эксплуатации на Север – в бурно растущие промышленные центры вроде Детройта или Чикаго. (В 1980-е гг. эти миграционные потоки повернулись вспять – миллионы людей разного цвета кожи оставляют территорию «Ржавого пояса» ради процветающего «Солнечного»¹⁶).

Во второй половине XIX в. сочетание всех разнообразных преимуществ – культурных и демографических, политических и географических – позволило США стать самой мощной экономикой мира. Сеть железных дорог, пронизавших территорию страны, превратила ее в крупнейший в мире единый рынок: к 1905 г. только через один Чикаго проходило 14 % железнодорожных путей мира. В Америке сформировались крупнейшие мировые корпорации: в созданной в 1901 г. компании U. S. Steel (первая в мире компания-миллиардер) работало около 250 000 человек. Америка сделала больше, чем какая-либо другая страна, для того, чтобы превратить две важнейшие новаторские технологии – электричество и двигатель внутреннего сгорания – в неиссякаемый источник потребительских товаров – автомобилей и грузовиков, стиральных машин и радиоприемников.

¹⁶ «Ржавый пояс» – часть Среднего Запада и Восточного побережья США (территория между Великими озерами и Атлантическим океаном), где традиционно сосредоточены предприятия тяжелой промышленности США. Ранее он именовался «Индустриальный», но стал «ржаветь» с 1970-х гг., после упадка промышленного производства и массового закрытия предприятий. «Солнечный пояс» – южная часть США от Флориды до Калифорнии.

Как стать богатым

В этой книге мы ведем рассказ, опираясь на три структурных принципа – производительность, созидательное разрушение, политика. Производительность отражает способность общества получить большую отдачу при заданных вложениях. Созидательное разрушение определяет процесс, который стимулирует рост производительности. Политика имеет дело с негативными последствиями созидательного разрушения. Первое – чисто техническая сторона экономики. Второе – экономическое явление, связанное с фундаментальными проблемами социальной философии. Третье уводит нас все дальше из мира таблиц и графиков в мир практических политических решений. Тот же, кто считает, что история экономики существует вне связи с политикой, читает не ту книгу.

Производительность – наивысший критерий экономического успеха¹⁷. Ее степень определяет средний уровень жизни общества и отличает развитые страны от развивающихся. Наиболее распространенная ее мера – производительность труда, которая определяется выработкой (количеством добавленной стоимости) за единицу рабочего времени (рабочий час). Главными определяющими факторами (детерминативами) уровня производительности труда являются объем вложенного в производство капитала (производственные площади и оборудование) и количество рабочих часов с учетом образования и квалификации работников.

В 1950-е гг. адепты теории экономического роста во главе с Мозесом Абрамовичем и Робертом Солоу обнаружили, что вложения труда и капитала не определяют параметры роста ВВП полностью. Сведя остаточные факторы влияния на экономический рост к одному, они назвали его многофакторной производительностью (далее – МФП)¹⁸. В основе МФП лежат инновации. Она растет преимущественно от вложений капитала и труда.

Проблема подсчета показателей ВВП и МФП в долгосрочной перспективе состоит в недоверности статистики – чем дальше вы уходите в историю, тем сложнее получить надежные данные. Правительство США начало систематический сбор информации о национальном доходе и счетах производства только в 1930-е гг., обратившись к опыту Саймона Кузнеца из Стэнфордского университета и Национального бюро экономических исследований. В поисках данных, относящихся к более ранним периодам, историкам приходится обращаться в основном к материалам переписей населения, проводившихся раз в десятилетие с конца 1790-х гг. К этим данным историки добавляют разрозненные сведения о промышленном производстве, посевах и урожаях, поголовье скота, а также рабочих часах, но, как показал Пол Дэвид, эти данные до 1840-х гг. грешат серьезными неточностями. Тем не менее, несмотря на все эти ограничения, целый легион специалистов по экономической истории сумел воссоздать более или менее надежную статистическую хронологию ВВП – как номинального, так и реального – для самого раннего периода существования США (см. приложение)¹⁹. Мы в книге постоянно будем обращаться к этим данным.

¹⁷ Alan Greenspan, *The Map and the Territory 2.0: Risk, Human Nature, and the Future of Forecasting* (New York: Penguin Press, 2013), 152–176 (Гринспен А. Карта и территория. Риск, человеческая природа и проблемы прогнозирования. – М.: Альпина Паблишер, 2018).

¹⁸ Англ.: MFP. Используется и другой термин – общая факторная производительность.

¹⁹ Susan B. Carter, Scott Sigmund Gartner, Michael R. Haines, Alan L. Olmstead, Richard Sutch, and Gavin Wright, eds., *Historical Statistics of the United States: Millennial Edition* (New York: Cambridge University Press, 2006).

Созидательное разрушение

Созидательное разрушение – главная движущая сила экономического прогресса, нескончаемая буря²⁰, разрушающая бизнес и человеческие жизни, но по ходу этого создающая более продуктивную экономику. За редким исключением, единственный способ повысить выработку в единицу времени – направить ресурсы общества в те области, которые дают наивысшую отдачу на вложения, или, говоря более формально, направить валовые накопления населения (а также накопления, заимствованные за рубежом) на финансирование самых современных технологий и организаций. Созидание и разрушение – сيامские близнецы. Этот процесс подразумевает замещение прежде продуктивных и эффективных активов и связанных с ними рабочих мест новыми технологиями и рабочими местами. Так революционная технология литья Генри Бессемера в 1855 г. вытеснила предыдущие, более затратные способы получения стали.

Идеей созидательного разрушения мир обязан Йозефу Шумпетеру и его великой книге «Капитализм, социализм и демократия»²¹. «Процесс созидательного разрушения является самой сущностью капитализма, – писал Шумпетер. – В этом капитализм и состоит, в его рамках приходится существовать каждому капиталистическому концерну». Однако – при всей своей гениальности – в разработке последовательной теории созидательного разрушения Шумпетер не пошел дальше блестящих метафор, оставив эту задачу своим последователям. Современные экономисты пытались наполнить его идеи реальным содержанием, превратить метафоры в концепции, которые учитывают политические реалии и воспринимают мир таким, каков он есть.

Для изучения этой «нескончаемой бури» нет лучшего места и времени, чем Америка конца XIX в., где появилась плеяда титанов бизнеса. Они преобразали целые отрасли в континентальном масштабе. Это было время, когда федеральное правительство сосредоточилось в основном на защите прав собственников и соблюдении договорных условий, не пытаясь «обуздать» процесс созидательного разрушения. Благодаря постоянному совершенствованию технологий издержки производства на единицу продукции (показатель, в принципе аналогичный почасовой выработке) «бессемеровской стали» резко снизились, в результате чего оптовая цена на сталь с 1876 по 1901 г. упала на 83,5 %. Дешевая сталь запустила целый цикл новаций: стальные рельсы были в десять с лишним раз долговечнее чугунных, а стоили лишь немногим дороже, что позволяло перевозить по железным дорогам больше людей и товаров за меньшие деньги. Аналогичный каскад модернизационных изменений, затронувших почти все сферы деятельности человека, удвоил уровень жизни в Америке всего за поколение.

Наиболее очевидным способом стимуляции созидательного разрушения является производство более мощных машин и механизмов. Примечательно, что многие подобные механизмы, совершившие революционные преобразования в производительности труда, выглядят как кустарные поделки непонятного предназначения. Жатка Сайруса Маккормика, которую лондонская *The Times* описывала как помесь акробатической трапеции и инвалидной коляски²², за период с 1831 г. (когда она была изобретена) по конец XIX в. позволила повысить производительность труда на 500 % при сборе пшеницы и на 250 % – при сборе кукурузы. При этом за тот же период высвободилось до четверти мировой рабочей силы в области сельского хозяйства. В 1800 г. вооруженный серпом фермер за один день тяжелого труда мог сжать колосья пшеницы с 0,4 га земли. К 1890 г. двое фермеров, используя пару лошадей, за

²⁰ Выражение Йозефа Шумпетера («perennial gale») в первом русском переводе В. С. Автономова книги «Капитализм, социализм и демократия», передано менее точно – как «постоянный поток». – *Прим. ред.*

²¹ Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2007.

²² Charles R. Morris, *The Dawn of Innovation: The First American Industrial Revolution* (New York: Public Affairs, 2012), 242–243.

то же время могли сжать и связать пшеницу в снопы с 8 га. Швейная машинка, изобретенная в 1846 г., в 1870-е гг. уже пошедшая в массовое производство, повысила производительность труда более чем в пять раз. Новые табуляторы (счетно-аналитические машинки) позволили завершить перепись населения в 1890 г. всего за год – всего десятилетием раньше полная обработка данных по переписи населения занимала (по оценкам) 13 лет. Телетайп, появившийся в 1910 г., к 1929 г. лишил работы от 80 до 90 % телеграфистов, оперировавших азбукой Морзе.

Совершенствование бизнес-практик важно не менее технологических новшеств. Главным вкладом Америки в повышение мировой производительности труда стало, возможно, именно массовое производство. В Европе XIX в. производство технологичных продуктов – таких, например, как ружья или часы – было сосредоточено в руках отдельных мастеров-ремесленников. В Америке Эли Уитни и другие новаторы преобразовали производство механизмов в процесс производства стандартизированных деталей. В 1913 г. Генри Форд запустил первый конвейер, доставлявший рабочее место к работнику. Успехи Америки в производстве более совершенных машин и производственных процессов признавали даже самые недалекие умы. Сталин назвал Америку «страной машин»²³. Гитлер заявлял, что нацизм – это «фордизм плюс фюрер».

Вкупе с этими мощными силами в том же направлении действовали и более деликатные. Самая важная из них – информация. За последние годы мы настолько привыкли получать необходимую информацию вовремя, что воспринимаем ее как воздух, которым дышим. Но на протяжении большей части истории человечества информация была настолько дорогой, что людям зачастую приходилось действовать в полном неведении. Битва за Новый Орлеан, сделавшая Эндрю Джексона национальным героем Америки, – последнее крупное сражение англо-американской войны 1812 г., в котором британцы потеряли 700 человек убитыми, – состоялась через две недели после того, как был заключен Гентский мирный договор, завершивший войну²⁴.

В 1827 г. вышел *Journal of Commerce*, ставший незаменимым источником самых горячих деловых новостей: журналисты на скоростных шхунах перехватывали в открытом море корабли, направляющиеся в Новый Свет, чтобы узнать последние известия до того, как те войдут в порт. Телеграф Сэмюэла Морзе, впервые продемонстрированный публике в 1844 г., сократил время передачи информации до считанных секунд. Телеграфная компания Western Union связала тихоокеанское и атлантическое побережья Америки в единую коммуникационную систему в 1861 г., соединив телеграфные линии в городе Форт-Лараме, Вайоминг. Всего через несколько лет, в 1869 г., реальностью стали трансконтинентальные грузовые и пассажирские перевозки. Золотой костыль был торжественно вбит на церемонии в Промонтори-саммит, в Юте – в точке, где соединились железнодорожные сети Union Pacific и Central Pacific. Параллельно железнодорожным путям строились телеграфные сети. Сооружение трансатлантического телеграфного кабеля (после серии неудач) в 1866 г. наконец создало трансатлантическое финансовое сообщество: коммерсанты в Нью-Йорке, Сан-Франциско и Лондоне получили возможность общаться в реальном времени.

Информационная революция устранила все помехи и неопределенности, которые прежде затрудняли и тормозили деловую активность. Теперь продавцы могли дозаказать товар сразу после того, как тот уходил с полки. Поставщики получили постоянный контроль за цепочками поставок. Мгновенная коммуникация между кассой на прилавке и производственной площадкой, между поставщиками и перевозчиками снижает время доставки товара и необходимость складировать (и учитывать) массу товаров, не вовлеченных непосредственно в товарооборот.

²³ David M. Kennedy, *Freedom from Fear: The American People in Depression and War, 1929–1945* (New York: Oxford University Press, 1999), 615.

²⁴ Война 1812 г. – второй англо-американский военный конфликт 1812–1815 гг., также называемый Второй войной за независимость, подтвердивший статус США как суверенной державы. – *Прим. ред.*

Второй аспект созидательного разрушения – снижение затрат на капитальные вложения в экономику. Эндрю Карнеги и Джон Рокфеллер были героями созидательного разрушения: за счет выдающейся организации бизнеса и постоянных новшеств они сокращали затраты на капиталовложения в производство стали (Карнеги) и энергии (Рокфеллер), регулярно гальванизируя экономику снижением цен и предложением все более широкого доступа к ресурсам.

Третий аспект – более эффективное использование капиталовложений. В славные дни американского промышленного могущества степень успеха измерялась ценой завода или высокой небоскреба. Со временем, однако, размер становился все менее адекватным мерилom экономического могущества – объем сырья, необходимый для производства единицы товара или продукции, за последние десятилетия неуклонно снижался. Развитие интегральных микросхем позволило «упаковывать» все большее количество функций во все более миниатюрные электронные коробки, достижения в материаловедении – производить более легкие (в пересчете на лошадиную силу) автомобили и более рационально устроенные здания. По нашим оценкам, с 1879 по 2015 г. снижение доли материалов на каждый доллар в реальном ВВП добавило 0,26 % к росту ВВП каждый год. К 2015 г. это добавило к общему ВВП 40 %. Ежегодная прибавка к росту ВВП была особенно значительной в период с 1879 по 1899 г., когда эффективность добавляла к росту реального ВВП 0,52 процентных пункта в год – в 1899 г., соответственно, общий уровень прироста реального ВВП из этого источника составил 10,6 %.

Еще один аспект созидательного разрушения – снижение расходов на транспортировку. Лист холоднокатаной стали в машине, стоящей в салоне автодилера, стоит дороже, чем на выходе с прокатного стана сталелитейного завода в Питтсбурге. Соответственно, совершенствование транспортной системы приносит два очевидных преимущества: оно облегчает сведение воедино всех факторов производства и позволяет предпринимателям быстрее доставлять потребителям конечные результаты этого производства – готовую продукцию. На заре существования США скорость лошади и ход парусного корабля определяли возможности для роста производительности. Улучшение качества дорог или такелажа могли лишь незначительно повысить производительность, ибо лошадь и парусник не могли двигаться слишком быстро. Производительность повысилась, когда пароходы вытеснили парусники – и не только потому, что выросла скорость речного сообщения, но и потому, что пароходы одинаково легко шли как вниз по течению, так и вверх. Трансконтинентальная железная дорога сократила время перевозки грузов и пассажиров от побережья до побережья с шести месяцев до шести дней²⁵. С развитием местных железных дорог к общенациональной транспортной сети «подключалось» все больше человеческих и физических ресурсов страны; нарастал масштаб перемещения товаров и людей внутри США. Автомобили и шоссе постепенно потеснили железные дороги с ведущих позиций: с их помощью товары можно было доставить к двери заказчика, а не на ближайшую к нему железнодорожную станцию. Следующая революция – миниатюризация – сократила транспортные расходы еще сильнее: компьютерная отрасль по природе своей имеет более глобальный характер, чем, скажем, производство цемента, поскольку легкие и дорогие компьютерные комплектующие проще перевозить из одной части мира в другую.

Пятый фактор повышения производительности – географический. В сегодняшнем «плоском» мире цепочки поставок глобальны, а коммуникации мгновенны, и мы порой забываем то, что было очевидно для наших предшественников: разумный выбор места для производственной площадки может резко повысить производительность. Предприниматели наживали состояния, выстроив фабрику рядом с водопадом (за счет дармовой энергии) или около реки (бесплатный транспорт) – или просто грамотно расположив само производство и связанные с ним средства его обслуживания. Логика, направленная на повышение производительности, одинаково приложима к любым единицам измерения – как к ярдам или милям, так и к

²⁵ <https://www.history.co.uk/history-of-america/transcontinental-railroad>.

долям дюйма. Она действует одинаково в любом масштабе. В XIX в. предприниматели создавали экономическую ценность, строя железные дороги для того, чтобы перевозить железную руду из Месаби-рендж в Миннесоте и уголь из Западной Вирджинии к плавильным печам Питтсбурга, где из них вместе на выходе получали сталь. Сегодня предприниматели создают экономическую ценность, еще компактнее «упаковывая» в интегральные схемы постоянно уменьшающиеся в размерах кремниевые чипы, чтобы получить на выходе очередной прирост вычислительной мощности.

Коварство истории

В реальном мире созидательное разрушение редко работает в соответствии с безупречной компьютерной логикой закона Мура²⁶. Новой технологии может понадобиться много времени для того, чтобы кардинально изменить экономику. Распространение телеграфа Сэмюэла Морзе осложнялось размером страны и особенностями ее рельефа. Телеграфные сети быстро покрыли Восточное побережье США и густонаселенные районы западного, обеспечив жителей этих территорий почти моментальной связью, но центральные части страны оставались в информационном вакууме. В конце 1850-х гг. для передачи сообщения с одного побережья на другое совместными усилиями телеграфа и почтового дилижанса все еще требовалось три недели. Порой старые технологии могут идти (и работать) рука об руку с новыми: с 1860 г. усилиями курьерской службы Pony Express, конные почтальоны которой доставляли сообщения, меняя на почтовых станциях уставших лошадей на свежих, депеши пересекали страну уже быстрее, чем за десять дней²⁷. Конная курьерская служба оказалась гораздо гибче, чем более технологичное железнодорожное сообщение, – лошади курьеров могли преодолевать крутые склоны каньонов и пробираться по узким тропкам, доставляя сообщения туда, куда не было ходу поездам.

Как подсказывает история Pony Express, новые технологии часто поддерживают старые или вдыхают в них новую жизнь. Журнал *The Nation* в октябре 1872 г. так писал о парадоксальной популярности лошади в эпоху пара:

Мы так много лет говорили о железных дорогах, пароходах и телеграфе как о великих «силах прогресса», что почти перестали обращать внимание на то, что наша зависимость от лошади выросла практически *pari passu*²⁸ с нашей зависимостью от пара. Мы покрыли всю страну нашими великими линиями парового сообщения и связи, но товарами и пассажирами их питают лошади. Наши быстроходные пароходы бороздят океаны, но эти суда невозможно ни нагрузить, ни разгрузить без лошадей²⁹.

Несколько десятилетий подряд «копытное» население Америки росло в два с лишним раза быстрее, чем «двуногое» – от 4,3 млн лошадей и мулов в 1840 г. до 27,5 млн в 1910 г. Если в начале 70-летнего периода беспорядочного прогресса одна лошадь приходилась на пять человек, то к его концу – уже одна на троих³⁰. Лошади крутили жернова мельниц, тянули плуги в поле, а также баржи и другие суда по рекам и каналам, пастухи на конях пасли стада, кавалеристы бросались в атаку, но прежде всего на лошадях перевозили грузы на небольшие расстояния. Для того чтобы заменить лошадей в качестве сердца американской экономики, потребовалась комбинация трех видов энергии. Паровая тяга вытеснила лошадей из перевозок на длинные расстояния, электричество – из городского транспорта, а «безлошадные повозки» с двигателем внутреннего сгорания – из сферы коротких грузоперевозок.

²⁶ Закон Мура – эмпирическое наблюдение, согласно которому количество транзисторов, размещаемых на одном кристалле интегральной схемы, удваивается каждые 24 месяца.

²⁷ 26 марта 1860 г. газета *New York Herald* разместила объявление о том, что компании Central Overland California и Pike's Peak Express Company предлагают услуги по доставке почты из Нью-Йорка «в Сан-Франциско за восемь дней. Первый курьер от Pony Express отправится с берегов реки Миссури в четверг, 3 апреля в 17:00; в дальнейшем отправка будет осуществляться еженедельно. Курьер принимает только письма». Первый этап этой эстафеты – от Нью-Йорка до Сент-Джозефа в штате Миссури – осуществлялся по телеграфу. Но в Сент-Джозефе телеграфная линия заканчивалась.

²⁸ *Pari passu* – лат.: в равной мере. – Прим. ред.

²⁹ Ann Norton Greene, *Horses at Work: Harnessing Power in Industrial America* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2008), 1–2.

³⁰ Там же, 41.

Обычно между появлением новой технологии и резким ростом производительности, вызванным ее применением, проходит довольно много времени. За 40 лет, прошедших с того момента, как Томас Эдисон устроил электрическое световое шоу в Нижнем Манхэттене в 1882 г.³¹, электричество не внесло особого вклада в рост производительности заводов и фабрик страны. Внедрение электричества в производство не сводилось к простому «подключению» фабрик к электрической сети. Для полноценной электрификации промышленности необходимо было полностью перепрофилировать весь производственный процесс, заменив «вертикальные» фабрики на «горизонтальные»³², чтобы использовать новый источник энергии с максимальной эффективностью³³.

Некоторые из наиболее существенных прорывов в производительности происходят без особой помпы. Мощнейший прогресс в сталелитейном деле и в агрокультуре случился много позже того, как комментаторам наскучило обсуждать «эпоху стали» и «сельскохозяйственную революцию». Печь с кислородным наддувом (как подсказывает название, в ней использовался чистый кислород вместо воздуха) пришла на смену мартеновской печи после Второй мировой войны, сократив время плавки с 8–9 часов до 35–40 минут. С 1920 по 2000 г. трудозатраты на выплавку тонны нерафинированной стали сократились в тысячу раз – с трех рабочих человеко-часов на метрическую тонну до всего 0,003.

Наиболее существенное воздействие технологический прогресс часто оказывает на нашу повседневную жизнь. Он скорее облегчает наше существование, чем сказывается на состоянии каких-то отдельно взятых отраслей вроде промышленности или сельского хозяйства. Геродот описывал египетского фараона, которому оставалось жить всего шесть лет: «Понимая, что судьба его определена, [он] приказал... каждый вечер зажигать лампы... и наслаждался... превращая ночь в день – так он прожил двенадцать за срок шести»³⁴. Распространение электричества с начала XX в. оказало на американцев в целом примерно тот же эффект. Электрическая бытовая техника и полуфабрикаты быстрого приготовления сократили время на готовку, стирку и уборку с 58 часов в неделю в 1900 г. до 18 часов в неделю в 1975 г.³⁵. По оценкам Статистического управления Министерства труда США, сканеры штрихкода на кассах увеличили скорость работы кассиров на 30 % и сократили трудозатраты кассиров и упаковщиков на 10–15 %.

³¹ В 1882 г., построив первую в Америке распределительную подстанцию, Эдисон провел электрическое освещение на Перл-стрит, а также подключил к сети 59 клиентов в Манхэттене.

³² Под переходом от «вертикальных» к «горизонтальным» фабрикам, подключившимся к электрической сети, авторы понимают замену механических и паровых двигателей электрическими и применение электрических приборов во всех звеньях технологической цепочки, а не простое освещение цехов электрическими светильниками. Второй способ «модернизации» не предполагает структурную перестройку. Но это имело и другую сторону дела: раньше паровые машины ставились на первом этаже, а цеха со станками, «питавшимися» их энергией, располагались часто выше, на втором этаже, вертикально. Появление компактных электродвигателей делало такую организацию производственного процесса излишней, то есть позволяло располагать станки горизонтально. – *Прим. ред.*

³³ Paul David, "Computer and Dynamo: The Modern Productivity Paradox in a Not-Too-Distant Mirror", *Center for Economic Policy Research*, No. 339, *Stanford University*, July 1989. См. также: "The Dynamo and the Computer: A Historical Perspective on the Modern Productivity Paradox", *American Economic Review* 80, no. 2 (May 1990), *Papers and Proceedings of the Hundred and Second Annual Meeting of the American Economic Association*, 355–361.

³⁴ Stanley Lebergott, *Pursuing Happiness: American Consumers in the Twentieth Century* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993), 37–39.

³⁵ Правда, работы по дому не считаются производительным трудом при подсчете ВВП, таким образом, это значительное повышение в уровне жизни не нашло отражения ни в показателях часовой производительности, ни в показателях MPF/ОФП.

Темная сторона созидательного разрушения

Деструктивный аспект созидательного разрушения проявляется в двух очевидных формах: разрушении физических активов по мере того, как они перестают соответствовать новым требованиям, и перемещение рабочей силы по мере того, как исчерпывается необходимость в старых рабочих местах. К этому следует добавить проблему неопределенности. «Буря созидательного разрушения» сносила старые истины вместе с отжившими практиками: никто не мог знать, какие активы в будущем окажутся продуктивными, а какие – нет. Новые технологии почти всегда приводят к надуванию спекулятивных пузырей, которым свойственно схлопываться – подчас с катастрофическими последствиями.

Созидательное разрушение обычно воспринимается, по Максу Веберу, с «бездной недоверия, подчас ненависти, прежде всего морального возмущения»³⁶. Причина тому – отчасти боязнь любых перемен, свойственная человечеству в целом, а отчасти – тот факт, что перемены создают как победителей, так и проигравших. Самые очевидные противники перемен – рабочие, пытающиеся отстоять свои «архаизирующиеся» рабочие места. До Гражданской войны у американских рабочих было немного шансов создать организованное движение в защиту своих прав, поскольку компании были небольшими; рынок труда формировали элитные ремесленные гильдии; отношения в них были личными; забастовки случались крайне редко. После Гражданской войны, с развитием крупного бизнеса, неквалифицированные рабочие стали образовывать профсоюзы, чтобы добиться повышения зарплаты и улучшения условий труда³⁷. Острые конфликты с заправилами бизнеса порой приводили к вспышкам насилия и часто отравляли классовые отношения.

Американские профсоюзы были гораздо слабее европейских. Суды наносили профсоюзному движению удар за ударом, запрещая трудовые объединения. Его сотрясали постоянные конфликты между квалифицированными и неквалифицированными рабочими, иммигрантами и местными уроженцами, а также между разнообразными региональными лоббистскими группировками. В 1930-е гг., после принятия целой серии законодательных актов, принятых в интересах рабочего класса, профсоюзы приобрели значительную власть. В период процветания после Второй мировой войны в профсоюзах состояла примерно треть американских рабочих частного сектора, а сами профсоюзы играли важную роль в формировании государственной политики. Однако индивидуалистические традиции Америки оставались очень сильными. Закон Тафта – Хартли в 1947 г. запретил принцип «закрытого цеха»³⁸. Южные штаты были гораздо негативнее настроены по отношению к профсоюзам, чем северные. А после волны дерегуляционных законов 1970-х гг., количество американских рабочих, вовлеченных в профсоюзы, пошло на убыль. Профсоюзы не были столь уж заметной помехой на пути прогресса в долгую эпоху менеджерского капитализма после Второй мировой войны, поскольку Соединенные Штаты пожинали плоды поточного производства и распространения уже зрелых, заре-

³⁶ Deirdre Nansen McCloskey, *Bourgeois Equality: How Ideas, Not Capital or Institutions, Enriched the World* (Chicago: University of Chicago Press, 2016), 154.

³⁷ Авторы крайне упрощают историю профсоюзного движения в США. Неквалифицированные рабочие в американских условиях – почти исключительно иммигранты, говорившие на разных языках и готовые на любую, самую низкооплачиваемую, работу. Поэтому «старые» американцы относились к таким потенциальным (и часто фактическим) штрейкбрехерам с подозрением. Это касалось и профсоюзов, первоначально разделенных по национальным «квартирам». Авторы, упоминая неквалифицированных рабочих и их профсоюзы, подразумевают профсоюзы именно «иммигрантские». Именно с целью объединить разобщенное рабочее движение в наиболее передовой, стремительно развивавшейся капиталистической стране и затем уже, с помощью воспитанных в Америке национальных рабочих лидеров, вести и европейский пролетариат к мировой революции во многом связано парадоксальное решение I Интернационала в 1873 г. перенести в США его Генеральный совет. Ничего, впрочем, из этой затеи не вышло, но сама идея показательна. – Прим. ред.

³⁸ Согласно этому принципу, наниматели не имели права брать на работу лиц, не являющихся членами профсоюза.

комендовавших себя технологий вроде электричества. Однако те же профсоюзы стали самым серьезным образом тормозить развитие и рост экономики, когда на смену поточному производству должно было прийти гибкое, переналаживаемое производство, а менеджерский капитализм должен был уступить место капитализму более предпринимательскому.

Но сопротивляться переменам могут не только профсоюзные боссы, но и титаны бизнеса. Один из величайших парадоксов созидательного разрушения состоит в том, что его выгодополучатели в один момент могут превратиться в его горячих противников: опасаясь того, что их производство превратится в архаичный пережиток или их конкуренты начнут производить лучшую продукцию, они сделают все возможное – от лоббирования в правительстве до обращений в суд, чтобы притормозить или вовсе заморозить конкуренцию, чтобы превратить свое временное преимущество в постоянное. В 1880-е гг. Эндрю Хикенлупер, возглавлявший Cincinnati Gas Company и одно время бывший президентом Американской ассоциации газовых компаний³⁹, вел активнейшую борьбу за «газовые рожки» против «динамо-машин». Он угрозами заставлял отцов города отказывать в подрядах электрическим компаниям (как, впрочем, и газовым компаниям-конкурентам), а также развернул пропагандистскую кампанию в прессе. Газеты рассказывали, что новая технология чрезвычайно опасна – электропроводка, дескать, могла вызвать смерть в результате удара электрическим током или вызвать пожар общегородского масштаба⁴⁰.

³⁹ Хикенлупер умер в 1904 г., а American Gas Association была создана в 1918 г. Возможно, авторы имели в виду, что Хикенлупер являлся президентом Торговой палаты Цинциннати – как раз в середине 1880-х гг.

⁴⁰ Ernest Freeberg, *The Age of Edison: Electric Light and the Invention of Modern America* (New York: Penguin Books, 2013), 76–80.

Политики на арене

Америка была подвержена воздействию как конструктивного, так и негативного аспекта созидательного разрушения, чем большинство других стран мира: американцы лучше остальных умели создавать новые бизнесы и масштабировать их; с неменьшей легкостью они и сворачивали бизнесы, оказавшиеся неудачными. Наиболее яркое свидетельство этому – необычно спокойное отношение к банкротству, выработавшееся в США. Многие величайшие американские предприниматели XIX в. – Чарльз Гудбир, Роулэнд Мейси, Генри Хайнц⁴¹ и другие – неоднократно терпели неудачи, прежде чем стать иконами бизнеса.

Вкус американцев к созидательному разрушению имеет глубокие и разветвленные корни. Огромная территория страны способствовала как готовности людей к риску, так и подвижности. С самых первых дней запад США заполнился «городами-призраками» – люди быстро возводили новые города и так же легко оставляли их. Молодость страны не позволила сформироваться устойчивым привилегированным классам, да и власть таких социальных групп была ограниченной: немногие, особенно на западе страны, успели сформировать тот устоявшийся образ жизни, который стоило бы защищать. В Англии железным дорогам приходилось делать странные петли, чтобы обойти древние поселения. В Америке железные дороги пролагали прямые линии «из Ниоткуда в Никуда», как некогда заметила лондонская *The Times*. Порой Америке приходилось дорого платить за свое увлечение – не только с эстетической точки зрения, но и с экономической: построенные на скорую руку, без каких-то серьезных оценок их перспектив, новые поселения еще легче, без особых раздумий, забрасывали. Но по меньшей мере это позволяло избежать застоя.

Политическая система страны существенно усилила эти географические и культурные преимущества. Самой сильной помехой созидательному разрушению может быть политическое сопротивление ему. Проигравшие в результате действия созидательного разрушения, как правило, сконцентрированы, победившие – рассеяны. Организовать сконцентрированных людей проще, чем рассеянных. Блага и преимущества, создаваемые созидательным разрушением, могут проявиться через десятилетия, а затраты зачастую происходят немедленно. В дополнение к этому «нескончаемая буря» дезориентирует всех – как проигравших, так и победивших: людям свойственно держаться за привычное окружение; принять и приветствовать перемены способны немногие (а еще им очень сложно объяснить, что сохранять привычный уклад нельзя, потому что это уже нельзя себе позволить).

Америка гораздо лучше, чем почти все другие страны, умела бороться с искушением прямого вмешательства в логику созидательного разрушения. Почти везде политики построили на этом успешный бизнес – обещая воспользоваться плодами созидательного разрушения, но умалчивая об их цене. Коммунисты перекладывали вину за эти потери на жадность капиталистов, популисты – на зловещие «правлящие слои». Европейские социалисты и им подобные исповедуют более взвешенный подход, признавая, что созидание и разрушение идут рука об руку, но они заявляют, что способны повысить конструктивный аспект созидательного разрушения, одновременно избавившись от его деструктивного аспекта за счет сочетания управления спросом и разумного вмешательства в экономику. Результат таких действий обычно оказывается разочаровывающим – застой, инфляция или какой-либо иной кризис.

На протяжении большей части своей истории США не были подвержены давлению таких кратковременных политических решений. Огромной заслугой отцов-основателей стала защита экономики от вмешательства политиков. Они сумели защитить граждан, предоставив

⁴¹ Генри Хайнц (1844–1919) – основатель компании H. J. Heinz, известной в том числе своей маркой кетчупа и детских смесей

им неотъемлемые права и разработав целую систему разнообразных ограничений на отправление политической власти. Экономическая культура Америки пропагандировала бережливость и опору на собственные силы. Золотой стандарт обеспечил настолько стабильную структуру для кредитно-денежной политики, что Америка на протяжении 77 лет обходилась без центрального банка – с 1836 г. (когда Эндрю Джексон наложил вето на создание Третьего банка⁴²) по 1913-й. Подоходного налога не существовало вовсе. Большинство образованных американцев верили в то, что выживает сильнейший.

Прогрессистское движение⁴³ бросило вызов некоторым из этих устоявшихся положений. В 1913 г. Вудро Вильсон ввел федеральный подоходный налог. «Новый курс» президента Рузвельта положил конец эпохе капитализма свободной конкуренции. После Второй мировой войны правительство стало гораздо активнее вмешиваться в экономику, чем это было в 1920-е гг. Дуайт Эйзенхауэр запустил грандиозную программу строительства автомагистралей. Линдон Джонсон обещал построить «великое общество», в котором не будет бедности⁴⁴.

Отход от принципов *laissez-faire* (свободной конкуренции) тем не менее был гораздо менее драматичным, чем в Европе, не говоря уже о Латинской Америке. Конституция США постоянно сдерживала проправительственных политических активистов. Верховный суд США отверг предложенный Франклином Делано Рузвельтом Закон о восстановлении национальной промышленности, предполагавший установление значительного государственного контроля над экономикой. Конгрессмены-республиканцы не позволили Гарри Трумэну ввести общенациональную систему здравоохранения после Второй мировой войны. На смену либеральным политикам постоянно приходили более консервативные – Франклина Делано Рузвельта сменил Эйзенхауэр (после Трумэна), Линдона Джонсона – Ричард Никсон, а Джимми Картера – Рональд Рейган. Сильнейшая американская традиция либерального рыночного капитализма после Второй мировой войны возродилась и обрела новую силу. Краткое изложение вышедшей в 1944 г. книги австрийского экономиста Фридриха фон Хайека «Дорога к рабству» (*The Road to Serfdom*) в журнале *Reader's Digest* прочли миллионы. Милтон Фридман⁴⁵ стал звездой телевидения. Президентская кампания Рональда Рейгана была построена на идее о том, что правительство – это проблема, а не решение.

Но способна ли Америка сохранить свое сравнительное преимущество в искусстве созидательного разрушения? В этом все больше сомнений. Сегодня в США создается наименьшее количество компаний по сравнению с 1980-ми гг. Уровень конкуренции упал в более чем трех четвертях ключевых секторов американской экономики. Растет процент неработающих категорий населения по мере того, как представители поколения беби-бумеров⁴⁶ выходят на пенсию. Неудержимо растет количество и объем компенсаций и пособий, государственные расходы подменяют собой частные капитальные вложения, что снижает производительность труда и замедляет рост экономики. С каждым днем Америка становится все более беззащитной перед

⁴² В ранней истории США не существовало единой банковской системы. Центральный банк учреждался для решения конкретных финансовых проблем и по истечении срока лицензии прекращал свое существование. Всего было два таких периода, и соответственно действовали Первый (1791–1811) и Второй (1816–1833) банки. Они в дальнейшем изложении будут еще упоминаться. – *Прим. ред.*

⁴³ Прогрессизм (прогрессивизм) – реформаторское движение в США в начале XX в., направленное против диктата корпораций и коррупции.

⁴⁴ Линдон Джонсон, ставший президентом США после убийства Джона Кеннеди в ноябре 1963 г., объявил о проведении реформ, призванных покончить с бедностью и преодолеть расовую сегрегацию. Они предполагали, в частности, снижение налогов, развитие систем здравоохранения и образования, делая их доступными для неимущих и для чернокожего населения. Все это требовало гигантских вложений, которых, однако, чем дольше, тем больше стало не хватать. Главной причиной тому была прежде всего война во Вьетнаме, в которую США втянулись с 1964 г. Подробнее см. главу IX. – *Прим. ред.*

⁴⁵ Милтон Фридман (1912–2006) – американский экономист, один из интеллектуальных лидеров чикагской экономической школы, автор множества работ по ценовой теории.

⁴⁶ Поколение беби-бумеров – послевоенное поколение, когда в США во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. произошел резкий рост рождаемости.

популизмом, поскольку профессиональные политики продают свои голоса тому, кто больше предложит, а избиратели требуют прямой демократии без фильтров, чтобы обуздать коррумпированную политическую систему. Дональд Трамп – наиболее близкий к типичному латиноамериканскому популисту продукт этой системы. Он обещает устранить международную конкуренцию и заставляет компании предлагать своим работникам «честные сделки».

Как восстановить утраченный динамизм америки

В конце книги мы предложим некоторые меры, которые позволят восстановить утраченный Америкой динамизм. Самым важным шагом будет повторение шведского опыта 1991 г. – реформа системы социальных выплат и пособий. Швеция отреагировала на свой налогово-бюджетный кризис, отказавшись от принятой системы социальных льгот (пособий) в пользу системы четко определенных отчислений. В США в 2017 г. пособия и компенсации составляли 14 % ВВП (для сравнения – в 1965 г. этот показатель составлял менее 5 %), что отвлекало десять процентных пунктов ВВП и экономической активности в целом от инвестирования в потребление и раздувало и так уже чрезмерный дефицит бюджета. В 2017 г. в годовом отчете Совета попечителей Фонда страхования по старости и Федерального фонда страхования по потере трудоспособности статистики отметили, что для того, чтобы система страхования была действительно статистически обоснованной, уровень страховых выплат необходимо понизить на 25 % на неопределенное долгое время – или же поднять уровень налогообложения. Это предложение появляется ближе к концу 296-страничного отчета, что прекрасно иллюстрирует всю политическую деликатность такого диагноза.

За этим должна последовать не менее важная реформа финансовой системы: еще один финансовый кризис масштаба тех, что случились в 2008-м или 1929 г., может подорвать легитимность всей финансово-политической системы, повергнув ее в полный хаос в краткосрочной перспективе. Все подобные кризисы, как мы подробнее поговорим ниже, возникают из-за того, что финансовые посредники (кредитно-финансовые учреждения) располагают слишком недостаточными резервами капитала и провоцируют современные формы панических изъятий вкладов. Исторически соотношение акционерного капитала к активам в нефинансовых секторах американской экономики составляло 40–50 % всех активов. «Цепные» дефолты фирм с подобным балансом капитала происходят крайне редко. Периодические обвальные дефолты – это прискорбное свойство финансовых организаций, в которых показатель соотношения акционерного капитала к активам гораздо ниже. Лучший способ предотвратить повторение кризиса – принудить банки создавать гораздо больший объем резервов капитала и обеспечительных средств. История не подтверждает ставшее в последнее время очень популярным положение о том, что подобное требование серьезно снижает объем заимствований и замедляет экономический рост. К сожалению, политики избрали иное решение – создавая сложную регламентацию, наподобие закону Додда – Франка 2010 г.⁴⁷, пойдя на поводу у различных групп влияния, которые предпочитают составлять длинные списки пожеланий и требований, вместо того, чтобы попытаться найти реальное решение конкретных проблем. Закон Додда – Франка лишь усложняет и без того достаточно запутанную структуру отраслевого регулирования, которая десятилетиями выстраивалась совершенно бессистемно, что называется, «на коленке».

Тем не менее, когда Америка сталкивалась с угрозой национального упадка в прошлом – в 1930-е гг., например, или в 1970-е, – она всегда находила способ справиться с проблемами и становилась лишь сильнее. Внутренняя сила национальной экономики и вместе с тем национального характера всегда позволяла Америке преодолеть последствия ошибок политиков. В 1940 г. будущее Америки выглядело мрачным: страна только-только выбралась из десятилетнего экономического застоя и финансовой ямы. Однако всего через десять лет экономика

⁴⁷ Закон Додда-Франка, призванный защитить интересы рядовых граждан, предусматривал создание Совета по надзору за финансовой стабильностью, функции которого и определялись на 2319 (!) страницах закона. К нему авторы впоследствии не раз возвращаются. – *Прим. ред.*

Америки уже работала на полную мощность, став – с большим отрывом от любых потенциальных конкурентов – самой успешной в мире.

Один из способов побороть подступающий пессимизм – взглянуть на происходящее в Кремниевой долине, где предприниматели изобретают будущее. Это будущее всего – от смартфонов до робототехники. Можно обратить взгляд и в прошлое. Двести лет назад американские поселенцы сталкивались с проблемами, по сравнению с которыми современные проблемы Америки меркнут: как выжить в огромном враждебном мире, не прощающем ошибок, как создать политическую систему, гармонично сочетающую права отдельных штатов и федерального правительства, частную инициативу с коллективной ответственностью.

История о том, как были решены эти проблемы, в равной степени захватывающая и поучительна.

Глава 1

Республика бизнесменов: 1776–1880 гг.

При слове «колония» на ум приходят «эксплуатация» и «обособленность». Однако колониальная Америка во многих смыслах относилась к числу самых благоприятных мест на Земле. Природа щедро наделила ее ресурсами, а управление колониями было достаточно либеральным. С 1600 по 1766 г. население американских колоний росло быстрее всего в мире – в два с лишним раза по сравнению с населением метрополии. А к моменту, когда колонии уже были готовы расстаться с Британией, американцы были одними из самых богатых людей мира: по ценам 2017 г. их подушевая производительность составляла 4,71 долл. в день⁴⁸. Американцы в среднем были на 5–7 см выше, чем европейцы. Рождаемость в колониях также была выше – каждая женщина в среднем рожала шестерых-семерых детей (в Англии – четверых-пятерых). Бенджамин Франклин даже предположил, что к середине 1880-х гг. «по эту сторону океана англичан будет больше». Просторный Новый Свет предоставил поселенцам почти неограниченные запасы основных ресурсов для жизни – землю, дичь, рыбу, лес и полезные ископаемые. Колонии от метрополии отделяли 4828 км открытого океана, поэтому колонисты обладали относительной свободой жить так, как им хотелось.

При этом они не смогли воспроизвести у себя закрытое британское общественное устройство: на их берегу Атлантики было слишком мало администраторов из метрополии и англиканских священнослужителей для того, чтобы навязать его местным уроженцам⁴⁹. В Англии ремесленные гильдии и «гильдии искусств»⁵¹ могли уничтожить любую новую идею. Они регулировали конкуренцию. Но в Америке они были слишком слабы для того, чтобы оказать существенное влияние на общество – не говоря уже о том, чтобы контролировать его. Колонисты исключительно дорожили своей независимостью. Они свыклись с ней и не желали с ней расставаться. «Они не испытывают привязанности к какому-то определенному месту, наоборот, тяга к смене мест, кажется, стала их второй натурой, – замечал современник. – Им свойственно постоянно воображать, что там, вдали, всегда есть земли получше тех, на которых они уже обосновались»⁵².

Вместе с тем колонистам отчаянно не хватало изысканности. Сливки местного общества из всех сил пытались подражать стилю жизни британских джентри, импортируя из метрополии мебель, дорогой фарфор, одежду и чай. Тяга же американцев к высшему образованию не имела себе равных во всем остальном мире – к 1800 г. в новой стране были основаны десятки университетов. В Англии к тому времени их было только два. 29 из 56 делегатов Первого континентального конгресса имели степени об окончании колледжа. Образованным американцам не приходилось стыдиться за свои знания ни перед кем в мире. Они изучали великие тексты, лежавшие в основе западной мысли, – античную классику, Библию и разнообразные комментарии к ней. Особенно тщательно они штудировали работы британских мыслителей, выделяя

⁴⁸ John McCusker, ed., "Colonial Statistics", *Governance and International Relations*, vol. 5 of *Historical Statistics of the United States: Millennial Edition*, ed. Susan B. Carter et al. (New York: Cambridge University Press, 2006), 627; Richard Sutch, ed., "National Income and Product", *Economic Structure and Performance*, vol. 3 of *Historical Statistics of the United States: Millennial Edition*, 3.

⁴⁹ Под местными уроженцами авторы понимают именно колонистов. Индейцы не только не считаются авторами таковыми, но и поминаются лишь мельком – как досадная помеха в овладении настоящими американцами природных богатств континента. – *Прим. ред.*

⁵⁰ Robert H. Wiebe, *SelfRule: A Cultural History of American Democracy* (Chicago: University of Chicago Press, 1995), 17.

⁵¹ Имеются в виду интеллектуальные профессии, которым обучали в университетах, – богословие, право, медицина. В русской традиции они обычно называются «искусствами», в британской – *learned professions*. Как и ремесленники, богословы, правоведы и медики также объединялись в профессиональные гильдии.

⁵² Gordon S. Wood, *The American Revolution: A History* (New York: Modern Library, 2002), 9.

из них юристов уровня Уильяма Блэкстона⁵³ и философов вроде Джона Локка. Не обходили вниманием они и французских философов. Когда же они наконец дозрели до мысли создать новую страну, то создали самую впечатляющую Конституцию из тех, что видел мир.

Их Конституция обращается к самым насущным, «вечным» вопросам политической философии. Как обеспечить равновесие между благоразумием и широким народным представительством? Как сбалансировать права личности и волю большинства? Конституция обращалась и к новым проблемам, возникшим после распада старого, стабильного мироустройства: как удовлетворить и потребности коммерции, и требования власти народа? Как обеспечить незыблемость определенных постулатов в хаотично меняющемся мире?

Конституция превратила Соединенные Штаты в нечто уникальное в мировой истории – в зарождающееся демократическое общество, установившее строгие пределы того, что может себе позволить большинство⁵⁴. Большинство не могло покуситься на право частной собственности, на право заниматься торговлей или иной коммерческой деятельностью, на право индивида сохранять плоды своего труда, включая труда умственного. Именно это – больше, чем что бы то ни было иное, – позволило твердо гарантировать будущее процветание Америки. Это было гораздо важнее, чем традиционные «естественные» экономические преимущества вроде обширных территорий и богатых запасов сырья. Это побуждало людей заниматься предпринимательством, не опасаясь того, что плоды их усилий могут отобрать или украсть. Отцам-основателям удалось создать прекрасную архитектуру Основного Закона, не уступала ей и проработка деталей. Отказавшись от внутренних тарифов (европейцы не могли избавиться от них до 1980-х гг.), американцы получили крупнейший в мире единый рынок. Это позволило создать промышленность огромных масштабов, при этом регионы страны могли специализироваться. Кроме того, Конституция распространила имущественные права на важнейшую отрасль – на мир идей⁵⁵.

⁵³ Уильям Блэкстон (1723–1780) – английский юрист и писатель, первым создавший учебный курс английского права и выпустивший по этой теме несколько книг. – *Прим. ред.*

⁵⁴ Американская конституция была создана как демократия местной знати и призвана была защитить их частную собственность от поползновений бедноты, прибывавшей из Европы. Прочие не имели прямых избирательных прав: до сих пор американцы, следуя архаичной (XVIII в.) и слегка модернизированной в 1842 г. системе, избирают не президента своей страны, а выборщиков, которые, следуя линии своей партии, примут какое-либо решение в пользу того или иного кандидата. – *Прим. ред.*

⁵⁵ Alan Taylor, *American Revolutions: A Continental History, 1750–1804* (New York: W. W. Norton, 2016), 375.

С хлеба на воду

При всех своих преимуществах страна, рожденная Американской революцией, была в значительной степени сельскохозяйственной. Путешествуя по Америке в 1794–1796 гг., великий французский дипломат Талейран поражался ее отсталости. Америка «оставалась еще во младенчестве, если говорить о мануфактурном производстве: несколько литейных, несколько стекольных фабрик, кожевенных мануфактур, значительное число мелких и плохо оборудованных мастерских по производству кашемира [грубой шерстяной ткани], кое-где мастерские по выделке хлопка... все это свидетельствует о том, насколько жалкие усилия были предприняты до сих пор, чтобы обеспечить эту страну производством товаров повседневного спроса»⁵⁶.

По сравнению с метрополией финансовая система Америки была примитивной. Национальный банк в Англии был основан еще в 1694 г., когда банк под названием *The Governor and Company of the Bank of England* получил монопольное право на выпуск ассигнаций. В 1717 г. был введен золотой стандарт: тогдашний глава Королевского монетного двора сэр Исаак Ньютон определил фунт в золотом весовом выражении (4,25 фунтов за тройскую унцию золота). В Америке же до 1780-х гг. банков не было вовсе. В 1781 г. Роберт Моррис учредил Банк Северной Америки (*The Bank of North America*), в 1784 г. Александр Гамильтон основал Банк Нью-Йорка (*The Bank of New York*), а Джон Хэнкок и Сэмюэл Адамс – Массачусетский банк (*Massachusetts Bank*). До 1830-х гг. в Америке не существовало и ясной единой финансовой политики. Конституция наделяла Конгресс (статья I, раздел 8) правом «чеканить монету» и «регулировать ценность ее». Монетный акт 1792 г. определял американский доллар прежде всего в серебре, а не в золоте (доллар составлял эквивалент 371,25 гран серебра⁵⁷); правда, он оставлял место и для золота: монеты более высокого достоинства (от 2,5 долл. до десяти-долларового «орла») по этому закону чеканились из золота. Золотое содержание доллара было определено в 24,75 гран чистого золота, а отношение цены серебра к золоту – в 15 к одному. Однако это соотношение оказалось необоснованным: по мере падения рыночной цены серебра золото, более дорогое за океаном, чем на территории США, экспортировалось в таких объемах, что Америка едва не лишилась золотых монет в обращении. В 1834 г. федеральное правительство наконец разобралось с этой проблемой, установив новое соотношение – 16 к одному – и приняв британский золотой стандарт.

Более 90 % населения Америки составляли сельские жители – фермеры или плантаторы. Только три города – Филадельфия, Бостон и Нью-Йорк – могли похвастать населением выше 16 000 человек. По сравнению с мегаполисами того времени – Лондоном (750 000 жителей) или Пекином (почти 3 000 000 жителей) – крупнейшие американские города выглядели убогими захолустьями⁵⁸. Большинство американцев питалось продуктами, которые они сами же и выращивали, носили одежду собственного изготовления, тачали сами себе обувь и – что было самым трудоемким – варили собственное мыло и свечи из перетопленного животного жира. Основным строительным материалом было дерево; древесина же служила и основным источником топлива. Основным источником энергии – животные, а с появлением первых мануфактур – вода, вращавшая приводные колеса примитивных агрегатов. Сельскохозяйственные орудия американских колонистов мало отличались от тех, которые использовались в Древнем Риме: плуги и бороны делались из древесных веток, утыканных кусками железа и подвязанных полосками воловьей кожи. Они ездили по разбитым тропам и трактам, усеянным валунами и

⁵⁶ Цит. по: Douglas A. Irwin, *Clashing over Commerce: A History of U. S. Trade Policy* (Chicago: University of Chicago Press, 2017), 121.

⁵⁷ Гран – старинная система измерения драгоценных металлов и камней. Вес тройского грана, о котором идет речь, – 64,79891 мг. Соответственно 1 доллар оценивался в 24,057 г. – *Прим. ред.*

⁵⁸ Taylor, *American Revolutions*, 23.

обломками деревьев; ливни превращали эти «дороги» в непролазные болота, а долгие засухи делали их пыльными и жесткими.

Жизнь, по большей части заполненная изнурительным трудом, была тяжелой, жестокой и суровой. Фермеры могли выжить, только если все члены семьи – дети наравне со взрослыми, женщины наравне с мужчинами, старики наравне с молодыми – отдавали все свои силы труду. Бездельников наказывали или выгоняли из дому. Даже самые примитивные домашние дела – натаскать воды для мытья или стирки, выбросить мусор – отнимали невероятно много времени и сил. Ритм жизни определялся восходом и закатом солнца (главные источники искусственного освещения – свечи и лампы на китовом жире – были редкой и при этом малоэффективной роскошью). Представления поселенцев о скорости сводились к «копытам и парусам». Путешественникам приходилось мириться со множеством неудобств: они тряслись в седлах, их бросало от борта к борту в фургонах, как мешки с картошкой, на борту кораблей они страдали от морской болезни. Потеря подковы или поломка оси фургона на суше приковывала их к месту, словно баржу, севшую на мель на реке. По пути из своего дома в Монтичелло, штат Вирджиния, на инаугурацию в Вашингтон, округ Колумбия, в 1801 г. Томасу Джефферсону пришлось переходить вброд пять рек⁵⁹.

Американцы были заложниками климата своей страны. Современные историки, забившиеся в свои снабженные кондиционерами кабинеты, склонны с насмешкой отмахиваться от доводов Монтескье, изложенных им в трактате «О духе законов» (*The Spirit of the Laws*), о том, что климат – это рок для народов. Для Джорджа Вашингтона и его современников это было само собой разумеющимся. На северо-востоке страны зима могла накрыть людей снегом на долгие месяцы. На Среднем Западе торнадо и сейчас способны сровнять с землей целые поселения. На Юге есть только два сезона – жаркий и дьявольски жаркий. (Рабство в некотором смысле было ужасающим, но естественным ответом на особенности местного климата: в такой жаре и влажности заставить свободных людей заниматься трудоемкими сельскохозяйственными работами невозможно.) Погода – капризный и при этом еще и деспотичный хозяин. Нежданное наводнение может сделать дороги непроезжими. Поздние заморозки способны уничтожить урожай.

В первые годы после окончания Войны за независимость американцы были пленниками и в географическом смысле: их поселения сосредоточились на узкой полоске земли вдоль Восточного побережья. Они не решались путешествовать вглубь континента, поскольку практически вся эта территория оставалась большим белым пятном на карте, где всем заправляли конкурирующие европейские державы и частные корпорации. На диких территориях путешественников подстерегало множество опасностей – коренные жители, обозленные на белых поселенцев за то, что те сгоняли их с насиженных мест; кровожадные волки и медведи, всегда готовые отведать человечины; солдаты и наемники враждебных государств. Но главной опасностью диких земель была их неизведанность – без точных карт заблудиться там было очень легко.

Американцы были заложниками и собственного невежества – точно так же, как и климата. Прежде всего им остро недоставало актуальной информации о том, что происходит в мире. Новости даже о значительных событиях в те времена добирались из одного края в другой неделями, а уж из Европы в Америку – и того дольше. О кончине Джорджа Вашингтона в Нью-Йорке узнали только через неделю после того, как он умер. Новость о том, что Наполеон готов продать Луизиану, отправленная Джеймсом Монро из Парижа, добралась до Томаса Джефферсона в Вашингтоне через месяц с лишним.

⁵⁹ Ann Norton Greene, *Horses at Work: Harnessing Power in Industrial America* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2008), 48.

Роберт Макнамара говорил о «тумане войны». В первые десятилетия существования США подобный туман окружал американцев практически всегда. Это был своего рода «туман повседневности». Они затевали сражения, когда война была уже выиграна⁶⁰. Они переплачивали бешеные суммы за «редкие» товары как раз накануне прибытия кораблей с грузом этих самых товаров. Такая ситуация оказывалась тем более опасной, когда жизнь была настолько изменчива и нестабильна. Приток импорта на Восточное побережье зависел от небольшого по численности торгового флота – эти корабли (и весь этот импорт в целом) легко могли пасть жертвой плохой погоды или военных действий между враждебными державами.

Правительство блуждало в том же тумане невежества, что и обыватели. Во время Американской революции повстанцы не располагали даже самой приблизительной информацией о стране, которую они собирались освободить. Каково было ее население? На чем и как оно зарабатывало на жизнь? Способны ли были американцы обеспечивать самих себя? Новообразованное правительство немедленно занялось сбором статистических данных о населении: Конституция включала положение об обязательной переписи населения каждые десять лет для того, чтобы верно распределять места в Конгрессе. Первая перепись была проведена вскоре после создания США – в 1790 г. Однако до 1840 г. никаких данных о производстве или сельскохозяйственном хозяйстве правительство не собирало. Пол Дэвид из Стэнфордского университета назвал период до 1840 г. темным веком статистики.

Основные экономические связи людей устанавливались с миром дикой природы – в частности, с животными, с ветром и водой. Как горожане, так и сельские жители Америки были окружены целыми зверинцами – свиньями и овцами, курами и утками и, конечно, лошадьми. Собаки бегали без привязи. В каждом доме размером больше хибары была лошадь. По сравнению со своими современными аналогами домашние животные были мелкими и жилистыми, приспособленными к выживанию в суровых условиях, а не к тому, чтобы производить как можно больше молока, мяса или яиц. В 1800 г. в среднем корова, вероятно, давала около 453 л молока за год. Сегодня она дает 7257,5 л⁶¹. В то же время их использовали далеко не только для еды: шкуры обеспечивали людей одеждой и обувью, а из копыт варили клей. Использовать в дело «все, кроме визга» – таким было правило тех времен, далеких от какой бы то ни было сентиментальности. Американцы были и земледельцами, и охотниками одновременно. Природа была переполнена бесплатной пищей и одеждой – в виде лосей, оленей и диких уток. Джон Астор сколотил самое большое в Америке состояние на торговле бобровыми, куньими, ондатровыми и медвежьими шкурами (правда, часть денег, заработанных на охоте на необъятных просторах Америки, он весьма предусмотрительно потратил на очень большое поместье на Манхэттене).

Самыми главными животными Америки того времени оставались лошади. Более того, лошади тогда, вероятно, были самой важной частью основного капитала страны. В 1800 г. в Америке насчитывалось где-то около миллиона лошадей и мулов. Комбинация человека и лошади была краеугольным камнем американской экономики тех лет – примерно так же, как сейчас стержневым элементом экономики является комбинация человека и компьютера. Порожденные лошади служили источником богатства – а также источником развлечений: в Вирджинии и в Кентукки, в частности, обсуждение родословных лошадей стало излюбленным повседневным занятием.

Американцам повезло – страну во всех направлениях пересекала сеть из рек и озер, выполнявших роль водных магистралей. Главной среди них являлась могучая Миссисипи, растянувшаяся на 6000 км. Эта транспортная артерия связывала Средний Запад и Юг Америки.

⁶⁰ Видимо, имеется в виду вышеприведенный пример сражения под Новым Орлеаном в январе 1815 г. – *Прим. ред.*

⁶¹ Alan L. Olmstead and Paul W. Rhode, ed., "Crops and Livestock", *Economic Sectors*, vol. 4 of *Historical Statistics of the United States: Millennial Edition*, 18.

По рекам и озерам легко перетекали товары из региона в регион. Поселенцы использовали энергию воды, возводя мельницы и другие производства на берегах рек с быстрым течением. Еще выгоднее было использовать комбинацию гидроэнергетики с силой тяжести, размещая производства рядом с водопадами, вроде водопада на реке Чарльз в Уолтеме, штат Массачусетс. Фрэнсис Лоуэлл вместе с группой бостонских торговцев даже создали компанию – «Владельцы шлюзов и каналов» (Proprietors of the Locks and Canals) на реке Мерримак. Они контролировали течение реки и продавали высвободившиеся гидроэнергетические ресурсы владельцам местных мельниц и фабрик⁶². Водные пути, однако, не были лишены некоторых недостатков. Транспортировать грузы вверх по течению таких мощных рек, как, например, Миссисипи, зачастую было просто невозможно.

Еще одним источником благосостояния американцев был Атлантический океан. Атлантика обеспечивала их как обильными запасами рыбы и морепродуктов, так и столбовым транспортным путем в Европу. Рыболовство в Новой Англии было настолько успешной индустрией, что сам Адам Смит назвал ее в своей книге «одной из самых, вероятно, важной в мире»⁶³. Поселенцы добывали омаров, устриц, сельдь, осетра, морского окуня и пикшу, крабов и треску. По сути, треска для Массачусетса была тем же, что табак для Вирджинии. «Колыбель американской свободы», Фанел-холл⁶⁴, был подарком Питера Фанела, бостонского торговца, сделавшего состояние на продаже трески из Новой Англии по всему миру.

Самым ценным «водным зверем» была не рыба, но млекопитающее – спрос на китовый жир был столь велик, что чистые доходы китобойного бизнеса в ведущем китобойном порту Америки, Нью-Бедфорде в штате Массачусетс, с 1817 по 1892 г. в среднем составляли 14 % в год. Китобойный синдикат Gideon Allen & Sons, расположенный там, получал до 60 % годовой прибыли в течение большей части XIX в., финансируя китобойные экспедиции, – вероятно, это лучшие финансовые показатели частной компании за всю историю Америки⁶⁵.

Америка была богата древесиной не менее, чем морепродуктами: лесные угодья занимали более 364 млн га континента. Переселенцы из Англии поражались тому, насколько много было деревьев в Америке по сравнению с их родиной, леса которой были сведены почти подчистую: сосны, дубы, клены, вязы, ивы, разнообразные хвойные породы и множество других. Один из поселенцев в Вирджинии обронил, что это «похоже на лес, стоящий в воде». Другой, в Мэриленде, писал, что «мы живем довольно близко друг к другу, но мы не видим соседских домов за деревьями». В густых лесах Америки поселенцы различали контуры будущей цивилизации – мебель для своих домов, топливо для своих очагов и кузниц, мачты и корпуса своих кораблей, детали машин и даже зубные протезы⁶⁶.

Поэт Уолт Уитмен видел в тополе символ, отделивший Новый Свет от Старого. В Европе топором рубили головы аристократам. В Америке топор использовался для того, чтобы превращать лес в полезные предметы⁶⁷:

Топор взлетает!
Могучий лес дает тысячи порождений,

⁶² Oscar Handlin and Lilian Handlin, *Liberty in Expansion 1760–1850* (New York: Harper & Row, 1989), 246–247.

⁶³ W. B. Todd, ed., *An Inquiry into the Nature and Causes of "The Wealth of Nation," vol. 2 of Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith* (Oxford: Clarendon Press, 1976), 578.

⁶⁴ Фанел-холл – историческое здание в Бостоне. С 1742 г. служит в качестве рынка и конференц-зала. Здесь произносили речи Сэмюэл Адамс, Джеймс Отис и другие поборники независимости от Великобритании. В настоящее время здание является частью Тропы свободы и Бостонского национального исторического парка. В наши дни популярно среди туристов, является 11-й из 16 точек на Тропе Свободы. – Прим. ред.

⁶⁵ "Fin Tech: The First Venture Capitalists", *The Economist*, December 30, 2015.

⁶⁶ Walter A. McDougall, *Freedom Just Around the Corner: A New American History 1585–1828* (New York: HarperCollins, 2004), 40.

⁶⁷ David Reynolds, *America, Empire of Liberty* (London: Allen Lane, 2009), 144–145.

Они падают, растут, образуются –
Палатка, хижина, пристань, таможня,
Цеп, плуг, кирка, пешня, лопата,
Дранка, перила, стойка, филенка,
косяк, планка, панель, конек...⁶⁸

Располагая такими природными богатствами, американцы не собирались владеть жалкое существование и жить в бедности. Они разработали новые способы извлекать прибыль из окружающей среды. Джейкоб Перкинс в 1795 г. изобрел машину, способную производить 200 000 гвоздей в день. Гвоздильная машина позволила возводить деревянные балочно-стоечные каркасные дома (что само по себе не требовало особых навыков) с минимальными затратами усилий. Уильям Водсворт усовершенствовал этот процесс и далее, создав в 1820-е гг. распиловочную машину, распиливающую дерево по заданным параметрам. К 1829 г. американцы потребляли более 24 кубометров досок в год – в три с половиной раза больше, чем в Британии в пересчете на подушечное потребление⁶⁹. Однако, преображая окружающий мир силой своей изобретательности, американцы оставались зависимыми от него: к 1850 г. даже самые совершенные машины и механизмы производились из дерева, а их приводные ремни – из кожи.

⁶⁸ Из «Песни о топоре» в переводе М. Зенкевича. Стихи Уолта Уитмена (1819–1892), как правило, лишены привычного ритма и рифмы.

⁶⁹ McDougall, *Freedom Just Around the Corner*, 490.

Рип Ван Винкль

Война за независимость погрузила Америку в такой шок, по сравнению с которым шок, испытываемый Великобританией в связи с выходом из Евросоюза, кажется совсем незначительным. В XVIII в. британская Америка наладила достаточно тесные связи с экономикой метрополии. Америка импортировала готовые продукты, произведенные в этой мастерской мира, расплачиваясь за них из своих бездонных кладовых природных богатств – рыбой и древесиной, а также дорогими продуктами сельского хозяйства – табаком и рисом. Рост трансокеанской торговли, по ходу которого товары преодолевали по 4800 км в обе стороны, теоретически обосновывался идеями меркантилизма⁷⁰ и стимулировался разгоравшейся экономической борьбой между крупнейшими европейскими державами.

Война за независимость оставила хрупкую американскую экономику в руинах. Сражавшиеся армии уничтожали города и фермерские усадьбы. Британские военные корабли остановили морскую торговлю. Более 25 000 американцев погибли в боях. Континентальный конгресс пытался профинансировать войну, запустив на всю катушку печатный станок – не обеспеченных ничем ассигнаций-«континенталей»⁷¹ было напечатано на 242 млн долл. Поначалу это сработало, позволив Джорджу Вашингтону снабдить армию провизией и амуницией, но постепенно привело к гиперинфляции. К 1780 г. континентали торговались за одну сороковую их номинальной стоимости (отсюда и выражение «не стоит и континенталю»), и правительству пришлось изъять их из обращения. Таким образом, эта новая национальная валюта исполнила роль скрытого налога на обычных – а еще в большей степени на богатых – американцев. Те, кто перевел свои сбережения в континентали, дешеветшие все сильнее, фактически были вынуждены оплатить значительную долю военных расходов правительства (см. рис. 1.1).

⁷⁰ Меркантилизм – экономическое учение эпохи становления капитализма и национальных государств, предусматривавшее активное вмешательство государства в экономическую жизнь страны с целью обеспечить положительный внешнеторговый баланс и тем самым накопить в ней достаточное количество золотой и серебряной монеты. – *Прим. ред.*

⁷¹ По сути – долговых расписок правительства.

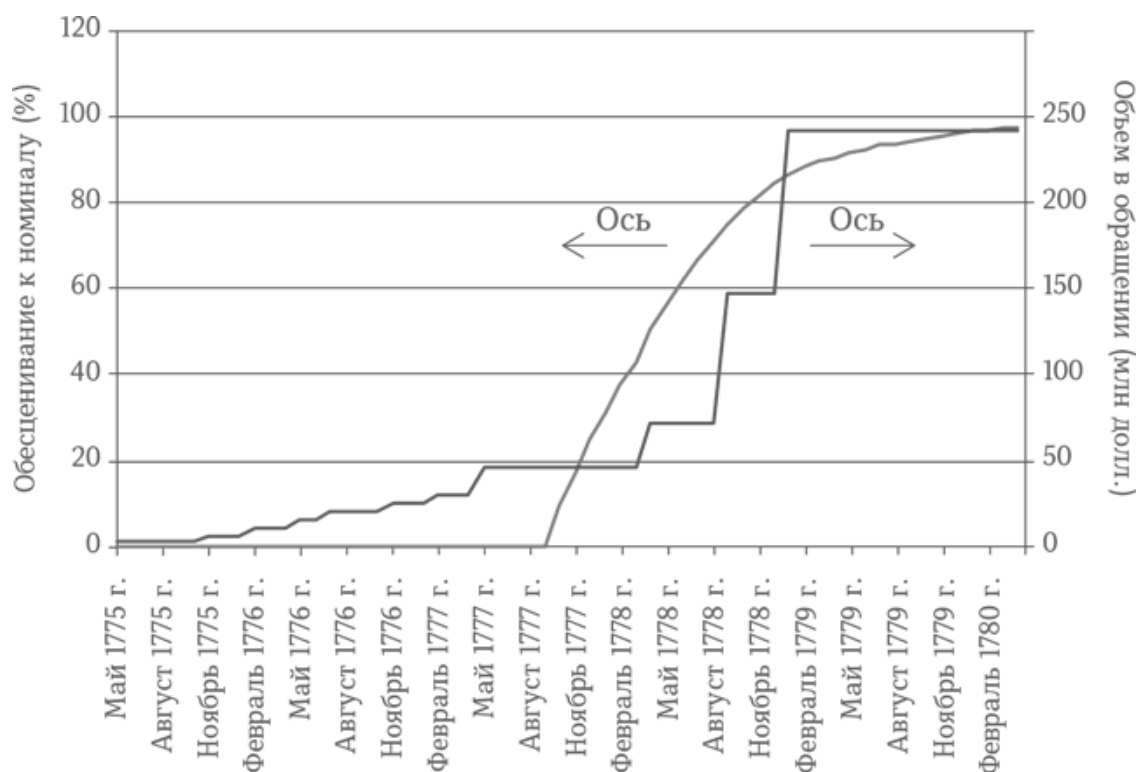

Рис. 1.1. Динамика обесценивания континентальной валюты в сравнении с ее объемом в обращении (поквартальные показатели, май 1775 г. — апрель 1780 г.)

Последствия войны еще более усугубили ситуацию. Отчаянно пытаясь осознать свое положение и роль в изменившемся мире, Америка столкнулась с ситуацией, которую один из историков назвал крупнейшим обвалом экономических доходов в истории: национальный доход упал на 30 %, судя по данным международной торговли⁷². Более того, государственный военный долг Америки составлял огромную сумму: новое правительство США, образованное в соответствии с Договором об образовании конфедерации английских колоний в Северной Америке, было должно 51 млн долл. (с совокупным долгом всех штатов по отдельности — еще 25 млн долл.), но правительство не имело достаточно власти для того, чтобы повысить доход за счет сбора налогов, — оно просто не имело права собирать налоги.

Тем не менее стараниями Александра Гамильтона, ставшего министром финансов США, новообразованное государство на удивление энергично и успешно привело свои финансы в порядок. Конституция США позволила федеральному правительству пополнять статьи бюджета за счет таможенных сборов, что предоставило Гамильтону средства, необходимые для того, чтобы обеспечить доверие к Америке как к надежному заемщику, способному выплатить свои долги, — прежде всего со стороны Франции. На основе этого доверия правительство смогло договориться о новых заимствованиях⁷³.

Всего через несколько лет после провозглашения независимости рост американской экономики возобновился. В 1819 г. увидела свет новелла Вашингтона Ирвинга, изумительно точно отражавшая дух новой страны, «Рип ван Винкль» (Rip Van Winkle) — о человеке, который после 20-летнего сна обнаружил, что мир вокруг него изменился до неузнаваемости. Аме-

⁷² Taylor, *American Revolutions*, 23.

⁷³ U. S. Debt and Foreign Loans, 1775–1795, Department of State, Office of the Historian, <https://history.state.gov/milestones/1784–1800/loans>.

рика рванулась вперед бешеным аллюром сразу по нескольким важным направлениям экономической жизни. Площадь страны, население и материальное благосостояние ее граждан росли как на дрожжах. Территория США выросла в четыре раза за счет покупок, завоеваний, аннексий и заселения земель, которые прежде были заняты коренными жителями континента, а потом были присвоены Францией, Испанией, Великобританией или Мексикой. В 1803 г. «Луизианская покупка» Томаса Джефферсона принесла США весь бассейн Миссисипи к западу от реки – за это Америка заплатила Наполеону Бонапарту 15 млн долл. Покупка, львиную долю которой обеспечили средства, выделенные банковским домом братьев Барингов (Baring Brothers), продемонстрировала, что «кредитная история» молодых Соединенных Штатов весьма надежна. Тем самым Новый Орлеан превратился в американский порт, а Миссисипи – во внутреннюю реку США⁷⁴. В 1821 г. Эндрю Джексон организовал приобретение Флориды у Испании. Позже США присоединили Техас (1845), Калифорнию (1850) и большую часть современного юго-запада. В 1864 г. США отбили последние британские претензии на американскую территорию в Орегоне.

Население страны со времен первой переписи в 1790 г. выросло с 3,9 млн человек до 31,5 млн в 1860-м – в четыре раза быстрее, чем в Европе, и в шесть раз, чем в целом в мире. С 1815 по 1830 г. население района к западу от Аппалачей росло в три раза быстрее, чем население на территории 13 колоний, с которых начинались Соединенные Штаты. Каждые три года к США добавлялся новый штат. Новые города вырастали на юге и западе страны – Питтсбург, Цинциннати, Нэшвилл и другие, – как локальные центры и как магниты, притягивающие людей. Объем национального капитала рос еще быстрее: с 1774 по 1799 г. он более чем утроился, а к началу Гражданской войны (1861 г.) вырос в 16 раз⁷⁵.

С 1800 по 1850 г. реальный валовый внутренний продукт Америки рос в среднем ежегодно на 3,7 %. Доход на душу населения вырос на 40 %. «Никакое другое государство в тот период не могло сравниться хотя бы по одному показателю этого взрывного роста, – заметил историк Джеймс Макферсон в книге «Боевой клич свободы» (Battle Cry for Freedom). – Сочетание всех трех показателей сделало Америку государством-вундеркиндом XIX в.»⁷⁶. Постепенно рост начал сопровождаться последовательностью циклов подъема-спада. В обществах, основу экономики которых составляет натуральное хозяйство, экономические проблемы, как правило, обусловлены либо изменениями местных условий хозяйствования, либо воздействием природных факторов. В условиях развитой экономики, напротив, деловая активность развивается дуалистически: постепенно ускоряющийся рост активности сменяется драматическими спадами, которые называют по-разному – «кризисами» или «паникой».

Паника 1819 г. стала первым опытом финансового кризиса мирного времени для Америки. В августе 1818 г. Второй банк Соединенных Штатов прекратил прием банкнот, посчитав, что их обеспечение угрожающе мало. Затем в октябре казначейство США усугубило разворачивавшийся финансовый кризис, вынудив банк перевести 2 млн долл. наличными для погашения облигаций по «Луизианской покупке». Государственные банки по всему Югу и Западу затребовали возврата кредитов от перезаложённых фермерских хозяйств. Стоимость многих ферм упала на 50 % и более. Местные банки начали лишать закредитованных фермеров прав пользования фермами, передавая их заложенные купчие во Второй банк Соединенных Штатов. В 1819 г. цены на хлопок всего за день упали на 25 %. Затем началась рецессия, от последствий которой Америка не могла оправиться до 1821 г.

⁷⁴ С 1800 по 1804 г. банковский дом Baring Brothers носил имя Francis Baring and Co., после чего сменил имя на Baring Brothers.

⁷⁵ Robert Gallman, "Growth and Change in the Long Nineteenth Century", *The Long Nineteenth Century*, vol. 2 of *The Cambridge Economic History of the United States*, ed. Stanley Engerman and Robert Gallman (Cambridge: Cambridge University Press, 2000), 13.

⁷⁶ James McPherson, *Battle Cry of Freedom* (Oxford: Oxford University Press, 1988), 6 (Макферсон Дж. Боевой клич свободы. Гражданская война в США 1861–1865. Екатеринбург: Гонзо, 2012).

Эта паника определила «стандарт» последующих – 1837, 1857, 1884, 1893, 1896 и 1907 гг. Конкретные поводы, вызывавшие обвальные циклы подъема-спада, каждый раз были совершенно разными. Однако структурная причина их оставалась неизменной: бурный рост продолжался до тех пор, пока не достигал «золотого потолка», ограничивавшего поступление кредитов и заставлявшего предприятия резко урезать расходы. Рост провоцировал эйфорию, а та – создание избыточных мощностей и товарное перепроизводство. Перепроизводство вызывало рост процентной ставки кредита, а это, в свою очередь, приводило к резким коррекциям курсов на фондовой бирже – и, соответственно, к политическим пертурбациям. Рис. 1.2 демонстрирует, что экономическая активность в период с 1855 по 1907 г. раз за разом достигала отметки 85–87 %, после чего вскоре рушилась. Это было совсем непохоже на экономику XVIII в., когда ритм жизни в основном диктовался сменой сезонов.

Рис. 1.2. Коэффициент мощности
несельскохозяйственного бизнеса (поквартальные
показатели с учетом поправки на сезонную активность,
I квартал 1855 г. – III квартал 2017 г.)

В последующие десятилетия «золотой потолок» несколько приподнялся. Мировые запасы золота возросли после того, как месторождения этого металла обнаружили в Калифорнии в 1848 г., в Южной Африке в 1886 г. и на Юконе в 1896 г. Выщелачивание золота цианидами и другие технологические усовершенствования повысили добычу как на новых, так и на старых приисках. Распространение чековых расчетных офисов и другие финансовые нововведения позволили наращивать объем кредитной эмиссии на заданный объем золота. Однако и здесь возникали побочные эффекты: рост предложения золота, возможно, спровоцировал один из самых серьезных экономических спадов в истории Америки. Этот спад начался в 1893 г. Острая необходимость найти способ предотвращать подобные кризисы привела к тому, что в 1908 г. был принят закон Олдрича – Вриланда, что в итоге привело к созданию Федеральной резервной системы в 1913 г. Она заменила несовершенную систему казначейских облигаций (суверенного кредита) США золотыми слитками.

Культура роста

Культура нового государства-вундеркинда была необычайно открытой и динамичной. Отцы-основатели прекрасно сумели выразить дух времени, воплотившийся в этой культуре. «Пахарь, прямо стоящий на ногах, выше джентльмена, опустившегося на колени», – говорил Бенджамин Франклин. «Этот народ родился не для того, чтобы его взнуздали и оседлали. Нет среди него и тех избранных в сапогах со шпорами, способных оседлать его и помыкать им», – вторил ему Джефферсон. За последующие десятилетия новая культура открытости пустила еще более глубокие корни. Иностранцы впечатлялись (или возмущались) буржуазной натурой американцев. Они подмечали одержимость американцев бизнесом и деньгами. Леди Стюарт-Уортли писала: «В этом великом трансатлантическом улье нет места трутням». Фрэнсис Грунд заявил: «Труд у них почитается таким же обязательным условием образа жизни и благополучия, как еда и одежда для европейца». Токвиль замечал: «Я, по правде, не знаю никакой иной страны, где материальное благосостояние вызывало бы у людей такое восхищение и привязанность». Прибыв в Огайо, он воскликнул: «Все общество здесь – это фабрика!» Путешественники-иностранцы обычно увязывали эту целеустремленность (или стяжательство – тут уж как посмотреть) с тем обстоятельством, что, по словам Фрэнсис Троллоп, в Америке «сын любого человека может стать равным сыну любого другого человека»⁷⁷. Отвратительным исключением из этого правила было, разумеется, рабство, о чем речь пойдет ниже.

На дальнейшее развитие и укрепление этой культуры открытости мощнейшее влияние оказали два фактора. Протестанты считали тяжелый труд проявлением добродетели, а образование – путем к постижению Библии. Философы Просвещения оспаривали ценность устоявшихся иерархий и авторитетов, призывая людей полагаться на свои собственные суждения. При всех различиях эти две традиции прекрасно сопрягались с явлением созидательного разрушения: они учили американцев подвергать деятельному сомнению как существующий порядок вещей – в стремлении к самосовершенствованию, так и устоявшиеся мнения и истины – в стремлении к рациональному постижению мира.

Нехватка рабочей силы также оказала свое влияние. В Америке плотность населения была самой низкой в мире. (Фактически Британия потерпела поражение в войне со своими подданными-колонистами в том числе и потому, что те были слишком широко рассеяны по территории колоний: британцы могли оккупировать прибрежные города при поддержке могучего королевского военного флота, но для того, чтобы подчинить себе сельские районы, где проживало 95 % населения колоний, британцам банально не хватало сил.) В Европе предостережения Мальтуса из его «Очерка о законе народонаселения» (*Essay on the Principle of Population*) о том, что население растет быстрее, чем площади обрабатываемой земли, необходимые для того, чтобы обеспечить пропитание, могли показаться верными. Но в Америке такая идея выглядела абсурдной: рук для работы на уже доступной земле отчаянно не хватало⁷⁸. Плотность населения оставалась достаточно низкой и тогда, когда Америку наводнили иммигранты, поскольку территория страны расширялась вместе с ростом ее населения: количество человек на квадратную милю даже упало – с 6,1 в 1800 г. до 4,3 в 1810 г.

Сочетание ресурсного богатства и нехватки рабочей силы приносило серьезные материальные дивиденды. Американцы рано создавали семьи, поскольку землю для ферм найти было проще. Они непомерно плодились отчасти потому, что могли это делать, а отчасти потому, что для обработки земли им требовалась помощь детей. В 1815 г. медианный возраст⁷⁹ населения

⁷⁷ Wiebe, *Self-Rule*, 43.

⁷⁸ Там же, 41.

⁷⁹ Медианный (средний) возраст – обобщающая характеристика возрастной структуры населения. Вычисляется как сред-

страны составлял 16 лет и лишь один человек из восьми был старше 43 лет⁸⁰. При всей общей молодости американцев вероятная продолжительность жизни в Америке также была выше, так как эпидемии распространялись в сельской местности слабее, чем в плотно заселенных европейских городах (на юге, впрочем, вероятная продолжительность жизни была ниже: влажный и теплый климат благоприятствовал развитию инфекционных заболеваний).

Это сочетание приносило и богатые психологические дивиденды. Нехватка рабочих рук изменила баланс сил: по словам Уолтера Макдугалла, «американцы могли себе позволить – более, чем кто-либо где-либо на Земле, – заявить потенциальному нанимателю: "Иди ты вместе со своей работой в...!"»⁸¹. В ситуации, когда освоение огромной территории было насущной необходимостью, особую ценность приобретали организаторские способности. «Великий поход» мормонов в Юту стал, возможно, лучшим примером этого: под блестящим руководством Бригама Янга последователи Церкви Иисуса Христа Святых прокладывали новые дороги и возводили мосты, а также засевали поля, урожай с которых должны были собрать переселенцы следующей волны⁸². В то же время доступность такого обширного пространства сглаживала социальные проблемы начальных этапов индустриализации. Промышленная революция в Европе ассоциировалась с перенаселением городов, застроенных «темными фабриками сатаны»⁸³. В Соединенных Штатах первые побег индустриализации проклюнулись в прекрасной зеленой земле – обычно по берегам рек или в небольших городках Новой Англии. В 1830-е гг. французский экономист Мишель Шевалье заметил, что американские фабрики выглядят «новыми и свежими, как оперная сцена». В 1837 г. англичанка Харриет Мартино настаивала, что американским рабочим повезло, что «их жилища и места работы привязаны к точкам, в которых высятся гряды холмов, а потоки воды прыгают и вращаются среди скал и камней»⁸⁴.

Америка быстро перехватила у Британии лавры главного «предпринимательского инкубатора». К 1810 г. она выдала больше всех в мире патентов на душу населения. Америка преуспевала в преимущественном развитии именно тех отраслей, что являлись сердцем промышленной революции, – в строительстве паровозов, сельскохозяйственном машиностроении, станкостроении и производстве швейных машинок. Американские предприниматели происходили из всех слоев общества. Их объединяла общая убежденность в том, что любую проблему можно решить, если хорошенько обдумать решение.

Конструктор-самоучка Оливер Эванс был сыном фермера из Делавэра. В 1784–1785 гг. он сконструировал под Филадельфией практически полностью автоматизированную мельницу, механизмы которой приводились в движение при помощи силы тяжести, трения и гидроэнергии. Зерно из загрузочного бункера перемещалось корзинами на транспортере из кожаных полос по нескольким этажам мельницы, не требуя никакого участия человека, кроме регулировки самого механизма и сопровождения груза. И Томас Джефферсон, и Джордж Вашингтон установили устройства Эванса на своих мельницах, уплатив ему соответствующий лицензионный сбор. Еще через несколько лет он сконструировал один из первых в мире паровых котлов высокого давления и выстроил целую сеть мастерских, где производились и ремонтировались популярные новинки – продукты творчества американских изобретателей. В 1813 г. он предсказал, что в будущем люди будут путешествовать в дилижансах, «движимых силой пара» по направляющим, проложенным из одного города в другой.

нее арифметическое – делением общего числа человеко-лет на имеющуюся численность людей.

⁸⁰ "Median Age of the Population, by Race, Sex, and Nativity: 1790 to 1970", Bureau of the Census, *Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1957*, vol. 1 (Washington, D.C.: U. S. Government Printing Office, 1975), 19.

⁸¹ Walter A. McDougall, *Throes of Democracy: The American Civil War Era 1829–1877* (New York: HarperCollins, 2008), 140.

⁸² Daniel J. Boorstin, *The Americans: The National Experience* (New York: Vintage Books, 1965), 25.

⁸³ Строка из стихотворения Уильяма Блейка «Иерусалим» (1804).

⁸⁴ Daniel J. Boorstin, *The Americans: The National Experience* (New York: Vintage Books, 1965), 25.

Эли Уитни был выпускником Йельского университета. В 1793 г. он разработал механизм, в 50 раз уменьшавший затраты труда при разделении хлопкового волокна и семян⁸⁵: валик с гвоздями подцеплял хлопковое волокно и отрывал его от семян, протаскивая через решетку с ячейками, слишком узкими, чтобы в них могли пройти семена. Семена ссыпались в контейнер, а щетка другого валика счищала волокна хлопка с гвоздей первого на себя. Любой достаточно квалифицированный плотник мог построить такой агрегат за час. Раздосадованный бесплодными попытками оформить патент на свое изобретение, Уитни занялся производством ружей и других подобных изделий для правительства.

Сэмюэл Морзе был уважаемым художником и профессором изящных искусств в университете Нью-Йорка. Однако отказ Конгресса дать ему заказ на оформление ротонды Капитолия историческими фресками разъярил его настолько, что он забросил живопись и направил свою энергию на изучение вопроса использования явления электромагнетизма для отправки сообщений по проводам. В 1843 г. Морзе убедил Конгресс предоставить ему 30 000 долл. для строительства демонстрационной линии связи из Балтимора в Вашингтон с использованием новой технологии. 24 мая 1844 г. он отправил свое первое сообщение: «Вот что творит Господь»⁸⁶.

Сайрус Маккормик и Джон Дир были сельскохозяйственными рабочими и механиками-самоучками. В 1833–1834 гг. Маккормик изобрел механическую жатку, которая могла собрать зерна больше, чем пятеро фермеров, вооруженных серпами. В 1837 г. Дир изготовил плуг с отвалом из полированной стали, обеспечившим плугу функцию «самоочищения». Еще через несколько лет, приспособив сиденье над плугом, он превратил фермера в подлинного князя прерий, восседавшего на этом «троне» вместо того, чтобы брести за ним. «Плуг, поднимающий целину»⁸⁷, должен был быть столь же удобным в обращении, сколь и эффективным. Исаак Зингер был мерзавцем, жившим на три семьи одновременно и ставшим отцом как минимум 24 детей. В 1840-е гг. он изобрел швейную машинку, которая, пожалуй, больше, чем какое-либо иное изобретение XIX в., высвободило женскую рабочую силу: машинка Зингера сократила время, необходимое для того, чтобы пошить сорочку, с 14 часов 20 минут до 1 часа 16 минут. Чарльз Гудьир был скромным владельцем скобяной лавки в Нью-Хейвене, штат Коннектикут. Он никогда не изучал химию и не имел никакого практического опыта, но по какой-то причине убедил себя в том, что Творец избрал его для того, чтобы разрешить проблемы в области химии, перед которыми спасовали профессиональные ученые. В 1844 г., прожив много лет в тяжелой нужде и отбыв несколько сроков в долговой тюрьме, он запатентовал процесс, в котором смесь серы, каучука и свинцовых белил позволяла получить вулканизированную резину.

Множество предпринимателей совмещали техническую сметку с коммерческой жилкой. Дир подстегивал спрос на свои плуги, регулярно принимая участие в соревнованиях по скоростной вспашке. Растущий спрос он удовлетворял, создав национальную сеть «путешественников»-коммивояжеров, которые продавали плуги по всей стране⁸⁸. Маккормик нанимал местных предпринимателей в качестве своих «агентов», рекламировавших его жатки. Он стал первооткрывателем многих приемов, сегодня ставших общеупотребительными бизнес-практиками: бесплатные пробы продукта разогревали аппетит к нему, гарантированный возврат денег развеивал сомнения, а «обучающие» рекламные публикации в фермерских журналах

⁸⁵ При ручном отделении волокна от семян один раб обрабатывал лишь 450 г сырья; при использовании машины двое или трое рабов очищали от семян 23 кг хлопка. — *Прим. ред.*

⁸⁶ Фраза из библейской Книги Чисел, 23:23.

⁸⁷ Авторы цитируют название документального фильма 1936 г., посвященного Джону Диру, — *The Plow That Broke The Plains*.

⁸⁸ Louis P. Cain, "Entrepreneurship in the Antebellum United States", *The Invention of Enterprise*, ed. David S. Landes, Joel Mokyr, and William J. Baumol (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2010), 348.

создавали новые рынки⁸⁹. Когда издатели газет подняли расценки на рекламу, он выпустил собственную газету, насыщенную информативной рекламой своей продукции и заказными статьями, – *Farmers' Advance*, тираж которой со временем достиг 350 000 экземпляров. «Пытаться вести бизнес без рекламы – то же самое, что подмигивать симпатичной девчонке через зеленые очки, – язвил один из его редакторов. – Вы можете знать, что вы делаете, но другие-то об этом ни сном, ни духом»⁹⁰. Зингер со своим партнером Эдвардом Кларком закрепили контроль над рынком швейных машинок, применив две новинки: долговременную рассрочку, когда покупатели покупали машинку на пять долларов дешевле, а потом выплачивали по три доллара в месяц в течение 16 месяцев⁹¹; и гарантированный выкуп всех бывших в использовании машинок – как произведенных в их компании, так и других производителей – в обмен на скидку для приобретения новой модели. Потом компания Зингера и Кларка прекратила такой обмен, надеясь добиться господства на рынке как подержанных швейных машинок, так и запчастей для сломанных машинок.

Предприниматели действовали столь эффективно в том числе и потому, что были достаточно уверены в том, что смогут воспользоваться плодами своего труда. Патентный акт 1790 г. превратил Америку в единый рынок интеллектуальных продуктов и предоставил изобретателям эксклюзивные права на 14 лет. Создание патентного бюро в 1836 г. позволило закону заработать. Бюро не только сумело избежать свойственных государственным институтам того времени коррупции и неэффективности, но и успешно поддержало веру нации в технический прогресс и новации. Здание бюро – в виде греческого храма на улице F в Вашингтоне – наполненное образцами и моделями последних изобретений, стало одной из главных достопримечательностей города. Даже Чарльз Диккенс, не упускавший случая пренебрежительно отозваться о еще не оперившемся государстве, признал, что это был «выдающийся пример американской предприимчивости и изобретательности».

Предприниматели-новаторы работали в мире, стремительно менявшемся под воздействием трех факторов, стимулировавших взрывной рост производительности труда. Первым из них была «ресурсная революция». В 1790 г. Бенджамин Франклин писал, что «золото и серебро не являются продуктами Северной Америки, не имеющей шахт и добывающей промышленности»⁹². Но за несколько десятилетий все это изменилось. Американцы открыли месторождения самых разнообразных минералов – железной руды, серебра, меди и, конечно, золота, спровоцировав золотые лихорадки 1840-х и 1850-х гг. Кроме того, они научились использовать гораздо более широкий спектр материалов для энергообеспечения страны. В 1800 г. спрос на энергоносители в США почти целиком удовлетворялся за счет древесины. Через 80 лет 100 % превратились в 57 %⁹³. Производство угля в США к 1813 г. удвоилось, а к 1818 г. утроилось. В Пенсильвании были обнаружены богатейшие залежи «твердого» угля (антрацита), при сгорании дающего меньше дыма и золы, чем «мягкий» (битуминозный) уголь. Уголь стал настолько важным источником энергии, что журнал Фримена Ханта *Merchants' Magazine* в 1854 г. провозгласил: «Коммерция – это президент страны, а уголь – госсекретарь ее!»⁹⁴. Еще через пять лет в США появился «госсекретарь-дублер»: в Пенсильвании были обна-

⁸⁹ Там же, 349.

⁹⁰ H. W. Brands, *Masters of Enterprise: Giants of American Business from John Jacob Astor and J. P. Morgan to Bill Gates and Oprah Winfrey* (New York: Free Press, 1999), 33.

⁹¹ Судя по всему, Зингер и Кларк практиковали и кратковременную рассрочку, с условиями которой и сравнивается долговременная. Допустим, при кратковременной рассрочке покупатель расплачивался за швейную машинку стоимостью 60 долл. в три приема по 20 долл. В таком случае при рассрочке долговременной дополнительный доход фирмы со сделки составлял три доллара: $15 + 3 \times 16 = 63$. – Прим. ред.

⁹² Gavin Wright, ed., "Natural Resource Industries", *Economic Sectors*, vol. 4 of *Historical Statistics of the United States: Millennial Edition*, 275.

⁹³ U. S. Energy Information Administration, "Annual Energy Review 2011", table. E1.

⁹⁴ McDougall, *Throes of Democracy*, 143.

ружены нефтяные месторождения. Уголь питал локомотивы и сталеплавильные печи. Нефть обеспечивала керосин для освещения и смазку для машин.

Переходя на новые источники энергии, американцы учились извлекать новую пользу из старых. Текстильная промышленность Новой Англии обнаружила, что из новой комбинации гидроэнергии и силы тяжести можно извлекать энергию с минимальными затратами – на смену водяным колесам приходили водяные турбины.

Особенно успешно американцам удавалось интенсифицировать использование лошадиной силы. У этого источника энергии были очевидные ограничения. Лошади трудоемки – их надо кормить, ухаживать за ними, а при использовании в качестве тягловой силы сопровождать. Они обладают ограниченной грузоподъемностью. Тем не менее американцам удавалось выжимать из лошадей все больше и больше. Они занимались улучшением породы лошадей с энтузиазмом, изумившим бы самого Фрэнсиса Гальтона⁹⁵

⁹⁵ Фрэнсис Гальтон (Голтон) (1822–1911) – английский психолог, зоолог и статистик XIX в., разработавший (в числе прочего) концепцию наследования различных признаков у животных и у человека. Двоюродный брат Чарльза Дарвина. – *Прим. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.